

ДЕМОКРАТИЯ, КАЧЕСТВО ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В.М. Полтерович¹, В.В. Попов²

АННОТАЦИЯ

Настоящая работа отличается двумя инновациями. Во-первых, в отличие от других работ, мы рассматриваем не только уровень демократии, но и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации в 70-90-х годах прошлого века, измеряемый индексами политических прав. Во-вторых, мы проводим различие между демократией и правопорядком, то есть порядком, основанном на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. Проверяются две взаимосвязанные гипотезы: (1) в странах с сильным правопорядком демократизация стимулирует экономический рост, а странах со слабым правопорядком демократизация отрицательно влияет на рост, (2) демократизация в условиях слабого правопорядка ведет к возникновению так называемых нелиберальных демократий – в таких странах теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, качество макроэкономической политики ухудшается.

Обсуждаются “стилизованные факты”, подтверждающие наши гипотезы. Результаты регрессионного анализа в основном подтверждают выводы, но не всегда.

¹ Академик РАН, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН, первый проректор Российской экономической школы (РЭШ).

² Профессор РЭШ, зав. сектором Академии народного хозяйства при Правительстве России.

1. Введение

Общепризнано, что демократия (выборность высших должностных лиц участие широких масс в принятии решений) является одной из целей развития наряду с такими как уровень ВВП на душу населения, уровень образования, продолжительность жизни, социальное равенство и т. д. Меньше единодушия относительно того, насколько важна демократия в сравнении с другими целями развития. Известный политический философ Джон Ролс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Ролсу (Rawls, 1971), права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов». Такая традиция обычно ассоциируется с западной культурой. С другой стороны, защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что в принципе политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства. По словам Аматы Сена, «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей», защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха (Sen, 1997).

Так или иначе, даже защитники «азиатских ценностей» не ставят под сомнение самоценность демократии как одной из целей развития. Спор идет, скорее, о *цене* демократических ценностей, или, чтобы быть более точным, об относительной цене демократии в сравнении с другими целями развития. Эта относительная ценность, конечно, изменялась в ходе человеческой истории и пока не существует теории, чтобы объяснить, почему это происходило. В настоящей работе мы обсуждаем не основополагающий философскую проблему о *цене* демократии, а более скромный вопрос об *издержках* демократии, а именно, о существовании отрицательной зависимости между демократизацией и экономическим ростом. Традиционная мудрость на сегодняшний день, видимо, состоит в том, что такой отрицательной зависимости не существует, или даже, что демократия и рост взаимодополняют друг друга. В этом случае вопрос о *цене* демократии теряет актуальность, так как демократия оказывается и одной из целей

развития, и средством достижения других целей развития. Однако, если отрицательная зависимость (tradeoff) между демократизацией и ростом существует, вопрос об относительной цене демократии приобретает вполне осязаемое и порой драматическое значение.

Для его исследования необходимо отделить демократию как механизм принятия решений от «идеологической оболочки», которой плотно окружен этот термин. Вслед за Робертом Далем (Robert Dahl), одним из основателей современной политологии, мы определяем демократию, как политический режим, имеющий две основные черты: 1) лица, принимающие наиболее важные для общества решения, назначаются и сменяются путем голосования, причем право голоса имеет подавляющее большинство населения; 2) существуют институты политической конкуренции, благодаря которым каждая достаточно значительная группа граждан может, в принципе, обнародовать и отстаивать свою точку зрения. Разумеется, эта формулировка требует многочисленных уточнений, обсуждение которых не входит в нашу задачу. Отметим, однако, что приведенное определение не исключает политической коррупции, покупки голосов, криминальных методов подавления конкурентов, неэффективности экономических решений, и т.п.

Целый ряд исследователей в последние годы выразили свое разочарование социально-политическими и экономическими итогами развития демократий «третьей волны» – стран, которые быстро демократизировались с 1974 года, включая и посткоммунистические страны. Т. Каротерс (Carothers, 2002)³ подсчитал, что из почти 100 стран, которые с тех пор ушли от авторитаризма и пополнили ряды демократических, только 18 (10 стран Восточной Европы, вступившие и вступающие в ЕС; Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили – в Латинской Америке; Южная Корея и Тайвань – в Восточной Азии; Гана – в Африке) «действительно находятся на пути к превращению в успешные и хорошо функционирующие демократии или, по крайней мере, добились прогресса в демократизации и сохраняют положительную динамику в этом процессе».

Ф. Закария (Zakaria, 1997) пишет о возникновении массового феномена «нелиберальных демократий» – стран, в которых введение конкурентных выводов должностных лиц произошло прежде, чем возник правопорядок. В политологии

³ См. также статью Дж. Даймонда (Diamond, 2002) и последующее обсуждение в журнале *Journal of Democracy*, Vol. 13, No. 3, July 2002

демократический режим с сильными институтами (в котором выборные органы гарантируют гражданские свободы, в том числе и свободу от государственного произвола) называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько – право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. – важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом – демократической. В XIX веке в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а главное – потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия – в начале века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством. По тому же пути – от либерализма к демократии – шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов.

Может быть, наиболее убедительный и красноречивый в данном контексте пример – Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что однако не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию – родину демократии – по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии как не было, так и нет. Или другой пример – Гаити – одна из старейших демократий Латинской Америки,

практикующая общенациональные выборы с начала XIX века: с тех пор там мало правопорядка и много демократии – в итоге 30 переворотов за 200 лет, последний – в марте 2004 года с вводом иностранных войск, чтобы остановить волну бандитизма.

По другому пути – сначала демократия, потом либерализм – пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой – Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже – например, в Индии) – в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 90-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы – со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ – пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. В 90-е годы только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения) и, похоже, эта тенденция сохранится, пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

О зависимости экономического роста от демократии/авторитаризма написано немало статей (см. обзор в: Przeworski and Limongi, 1993; Афонцев, 1999; Przeworski, Alvarez, Cheibub, and Limongi, 2000; UNDP, 2002). Говорят, что в демократиях меньше инвестиции (из-за популистской политики увеличения потребления), что качество макроэкономической политики может быть низким из-за давления отраслевых лобби и прочих групп интересов. Порой утверждается, что авторитарные режимы могут лучше противостоять популистским требованиям о перераспределении ресурсов, собственности

и дохода, исходящих от населения с доходами ниже средних, которые во всех странах составляют большинство (Alesina, Rodrik, 1994).

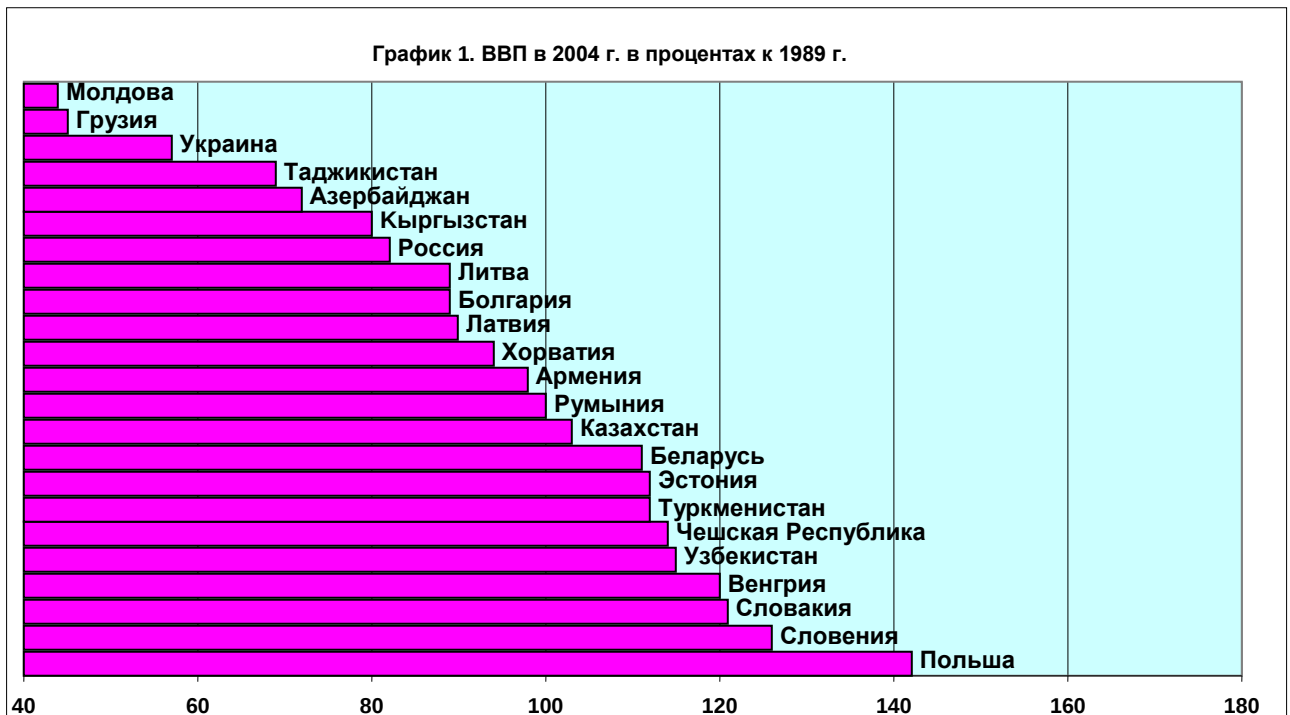
С другой стороны, автократии, конечно, могут хищнически относиться к использованию ресурсов, так как не существует контроля над самим автократом снизу; а демократии, напротив, могут избежать популистских мер, если конституционно закрепят процедуры голосования с квалифицированным большинством (скажем, 2/3) по наиболее важным вопросам перераспределения (Olson, 1991;2000). А. Сен считал, что имеющиеся на сегодня сравнительные исследования не подтверждают наличия связи между демократией и ростом ни в одном, ни в другом направлении. Однако он полагал, что демократии более справедливо распределяют ограниченные ресурсы – все известные случаи массового голода произошли именно в авторитарных странах (Sen, 1999).⁴

Обзор 18 исследований о связи экономической динамики с демократией (Przeworski and Limongi, 1993) дает противоречивые результаты – единственная закономерность, которую можно заметить, состоит в том, что исследования, выполненные после 1987г. находят положительную связь между демократией и ростом, тогда как исследования, выполненные в более ранний период, даже если и не отличаются по охвату стран и временных периодов, утверждают, что страны с авторитарными режимами растут быстрее.

В отношении воздействия демократии на рост в переходных экономиках единого мнения тоже не существует. Есть работы, фиксирующие отрицательный начальный прямой эффект, который перекрывается затем последующим косвенным положительным эффектом, так как демократизация подталкивает экономическую либерализацию, а последняя ведет к росту (Fidrmuc, 2002). Напротив, другие авторы (Porov, 2000, 2005) выявляют положительное влияние на экономический рост только правопорядка, а при контроле на правопорядок воздействие демократизации и даже экономической либерализации становится отрицательным. Пример авторитарных Китая и Вьетнама, в которых вообще не было трансформационного спада, и которые добились самого быстрого роста среди всех посткоммунистических стран, конечно, весьма показателен.

⁴ М. Элман оспаривал это утверждение, указывая, что в авторитарном СССР голода не было с 1947г., а в демократический Судане в 1985-89гг. пережил голод (Ellman, 2000). Сам Сен указывал на еще одно исключение – голод в Ирландии в 40-е годы 19-го века, но объясняет это тем, что Англия рассматривала Ирландию в это время как колонию (Sen, 1997)

Так же как и список лидеров по динамике ВВП на пространстве бывшего СССР: Узбекистан, Туркменистан, Беларусь, Эстония, Казахстан – демократическая Эстония оказывается в не вполне демократической компании (рис. 1). Не так просто и объяснить, почему авторитарная Беларусь, не имеющая нефти и газа, демонстрирует лучшую экономическую динамику, чем более демократическая и богатая ресурсами Россия.

Ряд работ проводит различие между молодыми и зрелыми демократиями. Показано, например, что обеспеченность прав контрактов и собственности сильно зависит от возраста демократии (Clague et al., 1996, p.1). Политические циклы (рост государственных расходов и монетарная экспансия накануне выборов, чтобы взбодрить экономику) оказываются наиболее выраженными, и поэтому наиболее разрушительными, именно в незрелых демократиях (Akhmedov and Zhuravskaya, 2004).

Согласно Каплану (Kaplan, 2000) переход к демократии при низких доходах, слабых институтах и этнической неоднородности социума часто приводит к всплеску насилия, преступности, коррупции чиновников и анархии. В статье Chua (2002) утверждается, что Запад поддерживает вариант сочетания капитализма и демократии,

отвергнутый западным обществом и приводящий к накоплению богатства в руках доминирующего на рынке меньшинства и социальным конфликтам. Выводы Каплана, Чуа и Захарии оспариваются в работе Rodrik, Wacziarg (2005); авторы приводят результаты панельной регрессии, показывающей, что сразу же после демократизации рост ускоряется. Однако, видимо, этот результат получается благодаря использованию в качестве объясняющей бинарной переменной «несостоятельность государства», которая тесно связана с демократизацией и отражает ее отрицательный эффект. Как отмечают авторы, без этой переменной влияние демократизации оказывается незначимым.

Есть работы, использующие индексы демократии, отличающиеся от индекса политических прав, например индекс Гастила (Gastil, 1989), который включает в себя не только демократические права, но и права собственности, права свободного распоряжения ресурсами и проч. В одной из работ, использующей этот индекс, выявляется положительная связь между демократией и ростом (Nelson and Singh, 1998). Однако мы стараемся выявить воздействие на экономический рост именно правопорядка и демократизации отдельно, а не вместе.

Доклад о человеческом развитии за 2002г. был специально посвящен теме демократии. В нем утверждалось, в частности, что отрицательной зависимости между демократией и экономическим ростом не существует и что демократия способствует стабильности и равномерности экономического и социального развития (UNDP, 2002). Д. Родрик тоже не находит зависимости между демократией и ростом после учета таких факторов, воздействующих на рост, как начальный уровень дохода, уровень образования и качество государственных институтов (Rodrik, 1997). Однако он предоставляет доказательства, что демократии имеют более предсказуемые долгосрочные темпы экономического роста, справляются с неблагоприятными шоками лучше, чем автократии и выплачивают более высокие зарплаты (то есть, направляют меньшую долю дохода на инвестиции). Эти выводы во многом соответствуют заключениям другой работы (Przeworski et al., 2000), которая тоже не находит разницы в долгосрочных темпах роста между демократиями и автократиями, но фиксирует меньшую волатильность темпов роста в демократических государствах (меньше «экономических чудес», но и меньше

очевидных провалов), более высокую долю зарплаты в добавленной стоимости и более низкую долю инвестиций в ВВП⁵.

Известный специалист в теории роста Р. Бэрроу (Barro, 1996) заключает, что суммарный эффект демократии на экономический рост можно охарактеризовать как «слабо отрицательный...Наиболее благоприятен для роста средний уровень демократии, затем – низкий уровень, и затем – высокий». В другой работе он пишет: «мысль о том, что демократия – в смысле избирательных прав – необходима для экономического роста, также неверна, как утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности... Для страны со слабыми институтами – слабой демократией и нехваткой правопорядка – развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка для стимулирования роста и инвестиций. Вдобавок, демократия, похоже, не оказывает существенного прямого воздействия на укрепление правопорядка. Так что нельзя утверждать, что демократия является ключевым условием роста, поскольку она необходима для правопорядка» (Barro, 2000, р.47). Бэрроу также показывает, что при контроле на уровень развития демократия не связана с уровнем правопорядка ни положительно, ни отрицательно (Barro, 1999, р. 174). В соответствии с таким подходом исследователи китайского «экономического чуда» объясняют быстрый рост в 80-90-е годы именно эффективностью госинститутов, а не демократией (Liew, 2001).

В настоящей работе, в отличие от других работ, мы, во-первых, рассматриваем не только уровень демократии, но и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации в 70-90-х годах прошлого века, измеряемый индексами политических прав. Во-вторых, мы проводим различие между демократией и правопорядком, то есть порядком, основанном на законах и правилах, устанавливаемых властями; правопорядок измеряется индексами правопорядка, индексами инвестиционного климата (риска) и индексами коррупции. Проверяются две взаимосвязанные гипотезы: (1) в странах с сильным правопорядком демократизация стимулирует экономический рост, а странах со

8 Один из наиболее труднообъяснимых выводов работы – в демократиях уровень рождаемости и смертности ниже, а продолжительность жизни выше, чем в автократиях со схожим ВВП на душу (Przeworski et al., 2000). Есть исследования, показывающие, что демократии расходуют относительно больше средств на образование и здравоохранение, однако они попадают в основном группам с высокими доходами, так что воздействия демократии на детскую смертность, например, не наблюдается Ross (2006). Другие исследования тоже свидетельствуют, что демократия при слабом правопорядке отрицательно влияет на продолжительность жизни (Роров, 2006).

слабым правопорядком демократизация отрицательно влияет на рост, (2) демократизация в условиях слабого правопорядка ведет к возникновению так называемых нелиберальных демократий – в таких странах теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, качество макроэкономической политики ухудшается.

Обсуждаются “стилизованные факты”, подтверждающие наши гипотезы. Результаты регрессионного анализа в основном подтверждают выводы, но не всегда.

2. Демократизация, правопорядок и экономический рост: каналы влияния

Как уже отмечалось, в настоящей работе мы используем узкое определение демократии, в соответствии с которым ее основные черты – выборность главных должностных лиц и возможность политической конкуренции. В таком определении понятие демократии включает такие права, как право избирать и быть избранным, право формирования политических партий, право агитации и собраний. Другие права, обычно связываемые с понятием демократия, такие как свобода слова и печати, защита от дискриминации по этническому, расовому, религиозному и другим признакам, могут быть в принципе обеспечены и авторитарными режимами (Гонконг, Европа XIX века), не говоря уже о правах собственности и контрактов, праве на справедливое разбирательство конфликтов в независимом суде и других. Демократия обычно противопоставляется авторитарным режимам, в которых право принятия решений принадлежит автократу или узкой группе высших должностных лиц. Во многих случаях автократия использует ресурсы хищнически ("grabbing hands" – Frye, Shleifer, 1997), коррумпирована и раздает должности наиболее лояльным, а не способным чиновникам, так что стимулировать экономический рост трудно даже при наличии желания автократа. Однако есть множество противоположных примеров относительно «чистых» автократий (Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея в разные периоды), которые проводили разумную экономическую политику и добивались значительных успехов в экономическом и социальном развитии.

Считается, что демократия облегчает процесс выработки и проведения разумной экономической политики, стимулирующей рост, через лучший отбор профессиональных чиновников, контроль за бюрократией и своевременную замену должностных лиц. Говорят также, что демократия нужна для укрепления правопорядка, искоренения

коррупции и улучшения качества институтов. Однако это распространенное мнение основано в основном на логических доводах и опыте развитых стран.

Общепризнано, что определенный уровень богатства, образования и развития гражданского общества являются необходимыми предпосылками эффективной демократии. Фактически это означает, что демократия может рассматриваться как «предмет роскоши», спрос на который возникает, только когда появляется состоятельный покупатель. Есть также и другие неперенные условия, такие как сильный правопорядок. Быстрая демократизация, как и всякий новый политический порядок, создает массу возможностей для злоупотреблений и извлечения ренты – эта перераспределительная активность может испортить институты и ввергнуть демократию в состояние хаоса, если только порядок не основывается на законе⁶.

Другой механизм подрыва институтов при быстрой демократизации в отсутствие правопорядка может быть вкратце описан следующим образом. Граждане получают право голоса, которое они ценят очень низко (в сравнении с другими благами) и продают это право организованным политическим группам (возможно, неявно – то есть, голосуя за тех, кто больше других вкладывает в рекламу) – если правопорядок слаб, то выгода для политических организаций от такой манипуляции голосами избирателей очевидна.

В таких условиях демократия становится рыночной продажей голосов, парламентарии отражают интересы лоббистов, должности и решения покупаются и продаются как товары на рынке. Коррупция расцветает, качество (эффективность) институтов снижается, экономический рост замедляется.

На рис. 2 представлены основные каналы влияния демократизации при слабом правопорядке на экономический рост⁷. В слабых (нелиберальных) демократиях возникают и слабые правительства, подвержденные давлению лоббистских организаций и популистских групп; чиновники и законодатели становятся продажными и легко

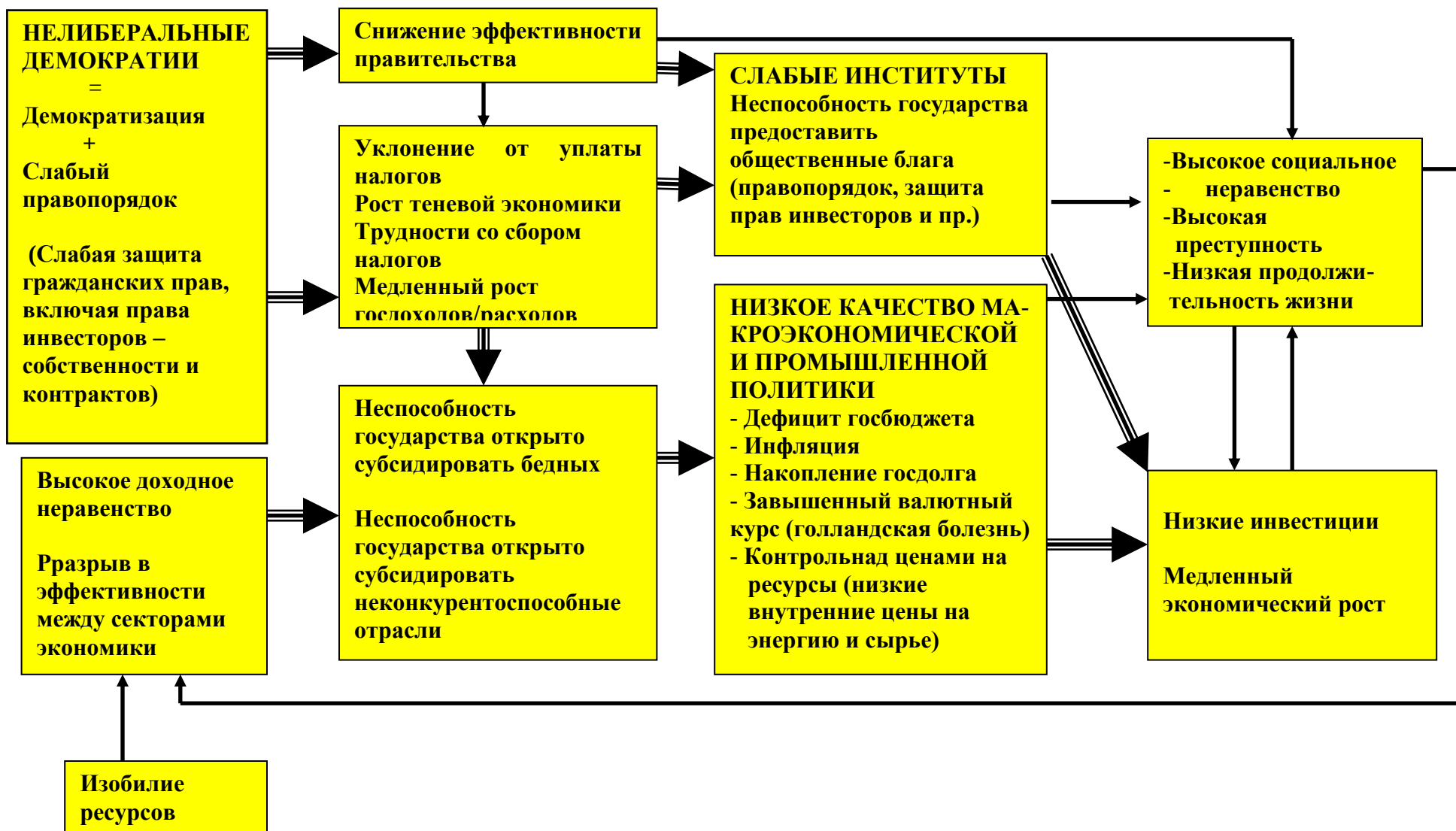
⁶ Другой вопрос – какие условия приводят к возникновению демократий – независимо от того, эффективны они или нет с экономической и социальной точки зрения. Бэрроу заключает, что вероятность перехода к демократии возрастает по мере роста подушевого ВВП, уровня образования, доли среднего класса в совокупном доходе и нересурсной продукции в производстве и экспорте (Barro (1999)). Другие авторы показывают, что любая страна, даже очень бедная, может стать демократической, но чтобы остаться таковой, надо обладать определенным уровнем дохода и другими характеристиками (Przeworski et al., 2000). Правда, в другом недавнем исследовании (Acemoglu et al., 2005) авторы не находят причинной связи между уровнем дохода и демократией.

⁷ Мы пытаемся проверить с помощью эконометрических расчетов наличие всех зависимостей, показанных на рис. 2, в работе (Polterovich, Popov, 2005).

управляемыми. Вдобавок, слабые правительства не могут проводить в жизнь законы и предписания, в частности, ограничить рост теневой экономики и собрать достаточное количество налогов для финансирования общественных благ – в результате им приходится чаще прибегать к инфляционному финансированию и займам. Проблема усугубляется так называемым ресурсным проклятием – в странах, богатых природными ресурсами, распределение ресурсной ренты при плохих институтах может увеличивать доходное неравенство.⁸ Все это отрицательно сказывается на темпах роста, продолжительности жизни, социальном равенстве, преступности (Przeworski et al., 2000).

⁸ Для стран-экспортеров энергоносителей характерна нестабильность демократических режимов, то есть постоянное возвращение к авторитаризму после демократизации (Ross, 2001; Polterovich, Popov, Tonis, 2006).

Рис. 2. Экономические и социальные издержки нелиберальных демократий

Для эффективности государственных институтов в общем-то безразлично, поддерживается ли она авторитарным или демократическим режимом: и те, и другие доказали свою принципиальную способность обеспечивать благоприятную институциональную среду для экономических реформ. В то же время известно, что в странах без прочных демократических традиций переход от авторитаризма к демократии сопровождается обычно снижением эффективности институтов: для создания новых, отсутствовавших прежде демократических институтов нужно время, так что переходный период, когда старые авторитарные институты уже разрушены, а новые еще не сложились, оказывается самым институционально необеспеченным.

Иначе говоря, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономической динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились. Если разбить страны на группы по степени обеспечения правопорядка (такие индексы рассчитываются Мировым Банком) и по уровню демократии (есть и такой показатель), то наихудшая экономическая динамика наблюдается в именно в странах с неудачным сочетанием слабого правопорядка с относительно высоким уровнем демократии. Авторитарные режимы со слабым правопорядком в среднем случае тоже не слишком хороши для экономики, но все же лучше чем демократические: видимо, они могут компенсировать нехватку закона избытком порядка, то есть заполнить институциональный вакуум авторитарными методами.

Статистические расчеты свидетельствуют – демократизация в мире в последние 30 лет вела к повышению темпов роста только в тех странах, где правопорядок был на уровне; напротив, в странах со слабым правопорядком демократизация приводила к замедлению роста госрасходов и снижению эффективности госаппарата, к увеличению теневой экономики, повышению бюджетного дефицита и инфляции и, в конце концов, к снижению темпов экономического роста и продолжительности жизни.

3. Опыт развитых стран

В странах, которые сегодня называются развитыми, процесс демократизации, как правило, был очень постепенным. Избирательные права вначале ограничивались имущественным цензом, образовательным цензом, цензом оседлости, по признакам расы, возраста и пола, так что очень небольшая часть населения – в основном небедные мужчины-собственники допускалась к избирательным урнам. Во Франции, например, в 1815-30гг. только 0,25-0,3 % населения участвовало в голосовании; в 1830-48гг. – только 0,6%. Всеобщее избирательное право для мужчин было введено лишь в 1848г., для женщин – только в 1946г. В Англии по закону 1832г., расширившему избирательные права, их получили и 14-18% мужчин; всеобщее избирательное право было введено только в 1928г. В Германии, Италии, Бельгии, женщины получили избирательные права только после сторой мировой войны. Всеобщее избирательное право было введено США в 1965г., в Канаде – в 1970г., в Швейцарии – в 1971г. (Chang, 2002, pp.71-76).

Медленная демократизация, как обычно считается, объяснялась нежеланием правящей элиты делить власть с народом. Расширение избирательных прав происходило в ходе социальных конфликтов под давлением широких масс. Однако есть, видимо, и другая причина – быстрая демократизация была чревата ослаблением государственных институтов из-за их захвата и крупным капиталом и популистскими группами. Пример США, где в 1815-40гг. произошла довольно быстрая демократизация и образование политических партий, в этой связи весьма характерен. Коррупция расцвела, качество госуправления резко снизилось, избирательные машины политических партий стали использоваться для «продавливания» выгодных назначений на важные должности в правительстве, полиции и судах. Итоги выборов повсеместно фальсифицировались, создавались специальные банды ("repeater gangs"), члены которых голосовали многократно от имени других зарегистрированных избирателей и путем угроз и шантажа не допускали к голосованию сторонников других партий.

"Поскольку полиция была более политическим инструментом чем профессиональным органом обеспечения правопорядка, ...политическая лояльность была главным критерием при назначениях на ответственные должности» (Walker, 1977; cited in Knott, Miller, 1987, p.27). Во многих городах для получения назначения даже на рядовые полицейские должности требовалась плата партаппаратчикам, контролировавшим

данный избирательный округ. В 90-е годы XIX века за должность рядового полицейского в Нью-Йорке надо было выложить 300 долларов, за сержантскую должность - 1600 долларов, за капитанскую – 12 000 долларов (чтобы перевести эти суммы в сегодняшние цены, надо их умножить примерно на 10). Сифилитики, преступники и безграмотные могли легко стать полицейскими, симбиоз полицейских органов с преступными был в то время обычным (Knott, Miller, 1987, pp.27-28).

В федеральном правительстве одной из самых доходных должностей был пост пборщика таможенных пошлин в Нью-Йорке. Многочисленные жалобы на коррупцию в нью-йоркской таможне были признаны обоснованными в 1877г. гражданской комиссией и в 1907г. свидетелями по судебному делу. Было обнаружено, что в течение многих лет таможенные чиновники занижали объемы импорта сахара, недоплачивая миллионы долларов таможенных пошлин в казну (Knott, Miller, 1987, p.30).

США понадобилось порядка 70 лет, чтобы, выбраться из «коррупционной ловушки» и существенно снизить уровень коррупции, возросший в середине XIX века при быстрой демократизации.

4. Опыт развивающихся стран

Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что практически все страны успешного догоняющего развития либо откладывали демократизацию до достижения довольно высокого уровня развития, либо практиковали «полуторапартийную систему» (большая правящая партий и несколько мелких в оппозиции, не имеющих реальных шансов прийти к власти). Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Чили до конца 80-х годов и Китай до сегодняшнего дня – примеры «отложенной демократизации», а Япония, да и Германия и Италия, после второй мировой войны – примеры «полуторапартийной системы».

По словам А. Сена (Sen, 1997), «мы, разумеется, не можем считать быстрый экономический рост Китая и Южной Кореи доказательством благоприятного влияния авторитаризма на рост, так же как мы не тожем сделать противоположный вывод на основании того факта, что Ботсвана – самая быстрорастущая экономика Африки (и одна из самых быстрорастущих экономик мира) является оазисом демократии на этом несчастном континенте». Однако исследователь сомневаются, может ли она быть

признана полностью демократической (Przeworsky et al., 2000). Скорее, она принадлежит к группе стран с «политорапартийной системой» – у власти с момента получения независимости в 1966г. находится одна и та же партия.

В таблице 1 приведена классификация посткоммунистических стран по индексу политических прав в 1998-2000⁹, исключая Китай, Вьетнам, Монголию и страны, серьезно пострадавшие от военных конфликтов в 90-е годы (Албания, Армения, Азербайджан, Грузия, Македония, Таджикистан)¹⁰. В соответствии с этой классификацией 10 стран были «свободными» (Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения), пять стран были «частично свободными» (Хорватия, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина) и 4 страны – «несвободными» (Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Как видно, «частично свободные» страны испытали более глубокое сокращение производства и более сильный рост социального неравенства, чем «несвободные» страны. Последняя группа стран по этим показателям была ближе к первой – к полностью свободным странам.

Таблица 1. Экономический рост и неравенство в посткоммунистических странах с разными политическими режимами

Политический режим в 1998-2000гг.	ВВП в 2000г. в % к 1989г.	Средний индекс Джини в 1987-90гг.	Средний индекс Джини в 1996-98гг.
«Свободные»	91,9	0,21	0,32
«Частично свободные»	56,8	0,29	0,44
«Несвободные»	84,2	0,27*	0,35*

*Средняя для Беларуси, Казахстана, Туркменистана.

Источник: Economic Survey of Europe, 2003, No. 1, p. 224; World Bank, 2002, p. 9.

⁹ Средний индекс политических прав в 1998-2000гг.

¹⁰ Категория «серьезно пострадавших от военных конфликтов стран» определена в (WORLD BANK, 2002).

5. Экономический рост и демократизация – эконометрический анализ

5.1. Обозначения и источники данных

Все показатели взяты из базы данных Всемирного банка - World Development Indicators, если специально не оговаривается. Эта база содержит данные о более чем 200 странах за 1975–1999 гг. В качестве меры качества институтов используются: (1) индекс правопорядка в 2000г.(World Bank 2002; Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobato Pablo, 1999); он основан на мнениях экспертов и опросах резидентов, (2) индекс восприятия коррупции *CPI* (Corruption Perception Index) за 1980–1985 гг., (3) индекс инвестиционного климата *IC* за 1984–1990 гг. (Investment Climate Index. The International Country Risk Guide. World Bank, 2001). Институциональные индексы за 1980-е годы доступны для 53 стран (*CPI*) и 123 стран (*IC*). Кроме того, и в базе данных Всемирного банка имеются пропуски, что ограничивает возможности расчетов.

y – среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975-99гг.,

Y - ВВП на душу населения по ППС в 1975г ,

RL - индекс правопорядка в 2000г.(World Bank 2002; Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobato Pablo, 1999); он основан на мнениях экспертов и опросах резидентов и изменяется от $-2,5$ до $+2,5$ (чем выше, тем лучше правопорядок),

D – среднегодовой уровень авторитаризма в 1972-75гг., равный индексу политических прав, изменяющемуся в пределах от 1 (полная демократия) до 7 (полный авторитаризм), более низкие значения, таким образом, соответствуют большей демократии)/

Δ - демократизация, то есть прирост уровня демократии, в 1972/75-1999/2002гг., измеряемая приростом индекса политических прав. Откалиброванного так, чтобы показатель был всегда положительным и показывал именно прирост демократии, а не авторитаризма: $\Delta = 4 - (D_{99-02} - D_{73-75})$,

A – характеристика устойчивости политического режима, отношение индекса авторитаризма в 2002 г. к его минимальному значению за период 1973-2002гг. Показатель равен единице (своей минимальной возможной величине) для абсолютно устойчивых режимов - и демократических, и автократических; он также равен единице при монотонном

росте уровня демократии; он больше единицы, если в конце периода уровень авторитаризма выше минимума за период,

IC - индекс инвестиционного климата в 1984-90гг., изменяется от 0 до 100%, чем выше, тем лучше климат,

PD – плотность населения в 1999г., человек на 1 кв. км,

Y_{tot} – совокупный ВВП на начало периода,

n- Среднегодовые темпы роста населения в 1975-99гг., %,

I - Доля инвестиций в ВВП в 1975-99гг., %,

CPI - индекс коррупции за 1980-85гг. (53 countries); изменяется в пределах от 0 до 10 (чем ниже, тем выше коррупция, так что фактически это индекс чистоты, а не коррупции),

GE - индекс эффективности правительства в 2000г. (WDI, 2001; Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobaton Pablo, 1999); изменяется от -2,5 до +2,5 (чем выше, тем выше эффективность),

S₁ - доля теневой экономики в ВВП в 90-е годы, 1-я оценка (Hellman, Jones, and Kaufmann, 2000),

S₂ - доля теневой экономики в ВВП в 90-е годы, 2-я оценка (Hellman, Jones, and Kaufmann, 2000),

rev₁₉₉₉ – доля доходов центрального правительства в ВВП в 1995-99гг. в % к уровню 1971-75гг.,

Rev - доля доходов центрального правительства в ВВП 1971-75, %,

FI- отношение чистого импорта топлива и энергии к общему импорту в 1960-75гг.,

Is - дамми, равная 1, если страна принадлежит к Организации исламской конференции и 0 во всех остальных случаях,

Inflation₇₅₋₉₉ – среднегодовая инфляция в 1975-99гг.

В таблице 2 представлена описательная статистика для «новых демократий» – стран, в которых индекс политических прав увеличился по крайней мере на 1,5 пункта с 1972-75 по 1999-2002гг. Если сравнить их средние показатели с такими другими странами, не учитывая различия в подушевых доходах и других факторах, определяющих темпы роста, сравнение оказывается далеко не в пользу недавно демократизировавшихся стран.

Таблица 2. Некоторые экономические показатели «новых демократий» (стран, в которых индекс политических прав увеличился по крайней мере на 1,5 пункта с 1972-75 по 1999-2002гг.)

Страны	Все «но-вые демо-кра-тии» (62)	«Новые демокра-тии» в постком-мунистичес-ких странах (20)	«Новые демокра-тии» в развива-ющихся странах (42)	Все страны, кроме «новых демокра-тий» (148)	Все стра-ны (210)
Улучшение индекса политических прав с 1972-75 по 1999-2002гг.	3,31	3,98	3,00	-0,20	0,98
Индекс инвестиционного климата, 2000г.	65,1	66,0	64,6	68,9	67,4
ВВП по ППС на душу в 1999г., долл	5510	6900	4885	9588	8059
Увеличение продолжительности жизни с 1970-75 по 1995-2000гг.	5,76	1,96	7,55	7,02	6,57
Среднегодовой темп роста ВВП на душу в 1975-99гг.,%	0,81	0,30	0,88	1,41	1,22
Индекс эффективности правительства, 2000г.	-0,193	-0,162	-0,210	0,089	- 0,007
Теневая экономика в % к ВВП, 1-я оценка	35,1	28,2	40,5	21,8	28,2
Теневая экономика в % к ВВП, 2-я оценка	33,6	24,8	40,4	23,3	28,3
Доля доходов центрального правительства в ВВП в 1995-99гг. в % от уровня 1971-75гг.	132	56	136	165	154
Среднегодовой дефицит бюджета в 1975-99, % от ВВП	-4,49	-3,26	-5,01	-3,94	-4,13
Среднегодовая инфляция в 1975-99, %	30,3	16,6	31,1	13,2	18,8
Среднегодовые золото-валютные резервы в месяцах импорта в 1970-99гг.	3,12	2,62	3,35	3,36	3,27
Прирост среднегодовых золото-валютных резервов в месяцах импорта в 1970-99гг.	1,53	3,14	0,81	0,45	0,84
Отношение цен на энергию к ценам на одежду и обувь, 1993г., США=107%	101,0	48,9	145,1	117,6	110,9

Источник: World Bank, 2001; World Development Institute (WDI, 2001); UNDP (2002); Friedman, Johnson, Kaufmann, Zoido-Lobaton (1999).

Рост ВВП на душу населения в 1975-99гг. в «новых демократиях» медленнее, чем в других странах, рост доходов в % к ВВП тоже медленнее, индекс эффективности правительства ниже, теневая экономика больше, дефициты госбюджетов и инфляция выше, валютные резервы меньше и медленнее растут. Только по увеличению продолжительности жизни «новые демократии» в развивающихся странах (но не в посткоммунистических) смотрятся несколько лучше, чем другие (7,6 и 7,0 лет соответственно), но при учете других факторов, воздействующих на продолжительность жизни, результат оказывается иным (Роров, 2006).

5.2. Темпы роста и демократизация - регрессии

Как уже говорилось, в отличие от других исследований, мы рассматриваем не только уровень демократии, но также и прирост этого уровня, то есть процесс демократизации. Данные, собранные с 1972г. для более 180 стран позволяют оценить воздействие демократизации на экономический рост. Получается, что это воздействие различно для более развитых и менее развитых стран, а точнее, для стран с высоким и низким правопорядком – для первых эффект положителен, для вторых – отрицателен.

В таблице 3 представлены результаты регрессий темпов экономического роста на традиционные факторы роста (доля инвестиций в ВВП, темпы роста населения, исходный уровень подушевого ВВП) и индексы правопорядка и демократизации. Третье уравнение из таблицы 3 представлено ниже в слегка преобразованном виде – так, чтобы сделать порог¹¹ по индексу правопорядка явным:

$$y = \text{CONST.} + \text{CONTR.VAR.} + 0.18\Delta (RL - 0,72), \quad (1)$$

¹¹ Идея пороговых регрессий широко используется в нашей совместной работе «Стадии развития и экономический рост» («Вопросы экономики», № 7, 8, 2006г.). Мы показываем, что различные инструменты экономической политики (таможенный протекционизм, накопление валютных резервов, увеличение госрасходов, контроль над движением капитала и рабочей силой через национальные границы, и проч.) оказывают разнонаправленное воздействие на рост в зависимости от уровня развития и качества институтов. В каждом случае мы стараемся определить пороговый уровень ВВП на душу и индексов институционального развития. Вариант на английском : Polterovich, V., V. Popov. Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES, 2004 (<http://www.nes.ru/english/research/pdf/2005/PopovPolterovich.doc>). The updated version: <http://www.wider.unu.edu/conference/conference-2005-3/conference-2005-3.htm>.

где Δ – прирост индекса демократии в 1972/75 – 1999/2002гг., RL – индекс правопорядка в 2000г.

Пороговый уровень индекса правопорядка – 0,72 (чуть выше, чем в Чехии, Иордании, Мальте, Уругвае; чуть ниже, чем на Кипре, в Эстонии, Словении, Венгрии, Тунисе): если этот индекс выше критического уровня, демократизация оказывает положительное воздействие на рост, если ниже – отрицательное¹². Согласно (1), иначе говоря, получается, что только страны достигшие определенного уровня правопорядка, смогли выиграть от демократизации в смысле ускорения экономического роста.

Таблица 3. Факторы, объясняющие темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг. (демократизация и правопорядок) – OLS-регрессии (Т-статистика – в скобках)

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг., у		
Число наблюдений	84	97	84
Индекс инвестиционного климата, 2000г., IC	0,1*** (4,18)		0,07*** (3,40)
Десятичный логарифм ВВП на душу населения по ППС в 1975г., $\log Y_{75}$	-3,27*** (-6,22)	-2,43*** (-5,37)	-3,03*** (-6,44)
Доля инвестиций в ВВП в 1975-99гг., %, I		0,12*** (4,89)	0,12*** (4,44)
Среднегодовые темпы роста населения в 1975-99гг., %, n	-0,45** (-2,23)	-0,33* (-1,85)	-0,45*** (-2,51)
Прирост уровня демократии, Δ	-0,13* (-1,65)	-0,11 (-1,56)	-0,13* (-1,83)
Произведение индекса правопорядка на прирост уровня демократии, $RofL*\Delta$	0,19*** (3,15)	0,31*** (6,85)	0,18*** (3,41)
Константа	6,52*** (3,09)	7,33*** (4,09)	4,71** (2,46)
Скорректированный R^2	53	56	63

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно.

Недостаток уравнения (1) и других из таблицы 1 состоит в том, что правой части стоит индекс правопорядка на 2000г., который характеризует качество институтов не в начале периода роста, а в самом конце. Этот показатель сам является результатом экономического роста – логично предположить, что строить институты легче там, где

¹² Интересно, что при включении в регрессию (1) переменных политики (инфляция, таможенные пошлины, увеличение валютных резервов, рост госдоходов) результаты сохраняются.

экономика растет, а не стагнирует, и, следовательно, мы имеем дело с эндогенностью. Поэтому мы воспользовались двумя другими индексами, характеризующими качество институтов на более ранний период – индексом коррупции (*CPI*) за 1980-85гг. для 53 стран и индексом инвестиционного климата (*IC*) за 1984-90гг. для 123 стран. Индекс коррупции изменяется в пределах от 0 до 10 (чем ниже, тем выше коррупция, так что фактически это индекс чистоты, а не коррупции). Для Советского Союза и Китая начала 80-х годов индекс находится на уровне 5 – это примерно середина списка, между развитыми и развивающимися странами, что соответствует интуиции.

Результаты регрессий представлены в таблице 4. Первое уравнение может быть представлено так:

$$y = \text{CONST} + \text{CONTR. VAR.} + 0.0729 \Delta (\text{CPI} - 6,65), \quad (2)$$

где *CPI* – среднегодовой индекс коррупции за 1980-1985гг.

Если индекс коррупции был выше 6,65 (примерный уровень Чили, Малайзии, Испании в начале 80-х годов), демократизация оказывала положительное влияние на рост, если ниже – отрицательное. Добавление инвестиций (доли инвестиций в ВВП) в качестве одной из контрольных переменных (уравнение 2 из табл. 4) не подрывает значимости показателя демократизации, хотя уровень порога меняется (7,8 – уровень Японии), а коэффициент при демократизации снижается, показывая что воздействие демократизации на рост частично (но только частично) происходит через изменение доли инвестиций в ВВП (другой канал воздействия демократизации на рост – через изменение эффективности самих инвестиций). Уровень демократии в 1972-75гг., *D*, при добавлении в правую часть уравнения оказывается незначимым, хотя все другие коэффициенты сохраняют свою значимость (колонки 4 и 5 табл. 4).

Добавление индекса коррупции, *CPI*, в качестве линейной переменной в правую часть уравнения приводит к тому, что как сам *CPI*, так и интерактивный член (*CPIΔ*) становятся незначимыми:

$$y = \text{CONST} + \text{CONTR. VAR.} + 0.11\text{CPI} + 0.036\Delta \text{CPI} - 0.34\Delta$$

(0.48) (1.00) (-1.95)

(N=45, $R^2 = 73\%$, те же контрольные переменные, что и в колонке 2 таблицы 4, Т-статистика в скобках).

Если же индекс коррупции включить в правую часть уравнения только как линейную переменную, исключив интерактивный член ($\text{CPI}\Delta$), результаты несколько ухудшаются – все коэффициенты становятся менее значимы, а скорректированный R^2 немного снижается:

$$y = \text{CONST} + \text{CONTR. VAR.} + 0.31\text{CPI} - 0.194\Delta$$

(3.18) (-2.41)

(N=45, $R^2 = 72\%$, те же контрольные переменные, что и в колонке 2 таблицы 4, Т-статистика в скобках).

Таблица 4. Факторы, объясняющие темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг. (демократизация и коррупция) – OLS-регрессии (Т-статистика – в скобках)

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг., у				
Число наблюдений	45	45	44	45	45
ВВП на душу населения по ППС в 1975г., долл.	-0,0008 *** (-4,99)	-0,0006 *** (-4,80)	-0,0008 *** (-7,04)	-0,0007 *** (-4,30)	-0,0007 *** (-4,18)
Доля инвестиций в ВВП в 1975-99гг., %, I		0,198 *** (6,86)	0,139 *** (3,47)	0,206 *** (6,17)	
Среднегодовые темпы роста населения в 1975-99гг., %, п	-1,45 *** (-4,27)	-1,18 *** (-5,26)	-0,950 *** (-3,90)	-1,14 *** (-4,90)	-1,52 *** (-4,48)
Прирост уровня демократии, Δ	-0,485 *** (-4,12)	-0,416 *** (-4,91)	-0,346 *** (-3,84)	-0,356 *** (-2,71)	-0,610 *** (-3,03)
Произведение индекса коррупции на прирост уровня демократии, CPI*Δ	0,073 *** (3,84)	0,053 *** (3,50)	0,029* *** (1,91)	0,054 *** (3,63)	0,069 *** (3,99)
Индекс инвестиционного климата, 2000г., IC			0,990 *** (3,19)		
Уровень авторитаризма в 1972-75гг.				-0,119 (-0,62)	0,261 (1,06)
Константа	7,79*** (6,13)	2,10** (1,90)	3,43*** (3,40)	2,10* (1,98)	7,23*** (6,52)
Скорректированный R^2	46	73	79	73	48

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно.

Результаты для группы только развивающихся стран (при исключении развитых – с ВВП на душу в 1975г. более 50% американского уровня) оказываются еще более статистически значимы.

Получается, таким образом, что именно пороговая форма зависимости между демократизацией и ростом является предпочтительной – если коррупция в начале 80-х годов была высока, демократизация оказывала отрицательное влияние на рост.

Еще одна возможная проблема с эндогенностью – обратное влияние экономического роста на демократизацию. Чтобы полностью учесть эту возможную эндогенность в уравнении (2) мы попробовали инструментировать показатель демократизации и интерактивный член (произведение демократизации на коррупцию) с помощью трех вспомогательных переменных – начального уровня демократии в 1972-75гг., **D**, дамми переменной, характеризующей членство в Организации исламской конференции, **Is**, и доли импорта топлива и энергии в общем импорте в 1960-1975, **FI** (показатель, призванный учесть фактор «ресурсного проклятия»). Эти переменные слабо коррелированы с ростом (коэффициенты корреляции равны -0.3, -0.16, и 0.2 соответственно), но объясняют существенную часть демократизации:

$$\Delta = 3.16 + 0.487D - 1.23Is + 0.014IF,$$

$$(11.06) \quad (7.61) \quad (-4.02) \quad (2.75)$$

Скорректированный $R^2 = 34\%$, $N = 137$, Т-статистика – в скобках).

Результаты регрессий с инструментальными переменными представлены в таблице 5.

Четвертая колонка сожержит уравнение:

$$y = 5.03 - 0.001Y + 0.160I - 1.55n - 0.859\Delta + 0.156\Delta CPI = \\ 5.03 - 0.001Y + 0.160I - 1.55n + 0.156\Delta (CPI - 5.51).$$

Как видно, значимость коэффициентов сохраняется, а порог по уровню начальной коррупции равен 5,51, что достаточно близко к пороговому уровню, найденному раньше.

Таблица 5. Факторы, объясняющие темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг. (демократизация и коррупция) – 2SLS-регрессии (Т-статистика – в скобках)

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг., у			
Число наблюдений	44	44	44	44
ВВП на душу населения по ППС в 1975г. долл.	-0,001** (2,40)	-0,001** (-2,67)	-0,001** (-2,67)	-0,001*** (-2,71)
Доля инвестиций в ВВП в 1975-99гг., %, п			0,157** (2,55)	0,160*** (2,80)
Среднегодовые темпы роста населения в 1975-99гг., %, п	-1,54*** 3,33)	-1,54*** (-3,43)	-1,57*** (-3,80)	-1,55*** (-3,88)
Прирост уровня демократии, Δ	-0,74* (-1,92)	-0,703* (-1,96)	-0,876** (-2,60)	-0,859** (-2,65)
Произведение индекса коррупции на прирост уровня демократии, CPI*Δ	0,151 (1,60)	0,153* (1,79)	0,165* (1,87)	0,156* (1,89)
Размер экономики (ВВП по ППС в 1975г. долл.)		1,16*10 ⁻¹² * (1,77)		
Константа	8,30*** (4,06)	8,10*** (4,04)	5,11** (2,07)	5,03** (2,12)
Инструменты	<i>D, Is, FI</i>	<i>D, FI</i>	<i>D, FI</i>	<i>D, Is, FI</i>
Скорректированный R ²	9	12	18	25

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно. Инструментированные переменные: Δ и ΔCPI. Инструменты: *D, Is FI*.

Чтобы проверить устойчивость порогового уравнения, мы воспользовались еще одним индексом, характеризующим качество институтов, IC, наиболее ранние значения которого имеются на 1984-90гг.- результаты регрессионного анализа представлены в таблице 6, наилучшая регрессия (колонка 3 таблицы 6) приведена ниже:

$$y = 0.883 - 0.0004 Y + 0.122I - 0.559n - 0.981\Delta + 0.016\Delta IC =$$

$$(-4.07) \quad (3.29) \quad (-2.35) \quad (-5.16) \quad (4.66)$$

$$0.883 - 0.0004 Y + 0.122I - 0.559n + 0.016\Delta (IC - 61.31)$$

(N=90, R² = 51,62%, Т-статистика в скобках).

В соответствии с этой регрессией пороговый уровень инвестиционного климата (IC) равен 61,3% - это примерно уровень Албании, Колумбии, Индии в 1984-90гг. Демократизация, таким образом, положительно влияла на рост только в странах с

уровнем инвестиционного климата выше порогового, а в других странах ее влияние было отрицательным. Включение показателя инвестиционного климата, IC , вместе с показателем демократизации, Δ , и интерактивным членом, $IC\Delta$, в правую часть уравнения приводит к тому, что коэффициенты при всех трех переменных оказываются незначимыми. Включение же переменной IC как линейного члена *вместо* интерактивного члена, $IC\Delta$, ухудшает качество регрессии – статистическая значимость коэффициентов при показателях инвестиционного климата и демократизации ухудшается (коэффициент при Δ даже становится незначимым), а R^2 чуть снижается :

$$y = 0.883 - 0.0004 Y + 0.122I - 0.559n + 0.08IC - 0.10\Delta$$

(-4.08) (3.26) (-2.78) (4.54) (-1.31)

(N=90, $R^2 = 51,58\%$, Т-статистика в скобках).

Таблица 6. Факторы, объясняющие темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг. (демократизация и инвестиционный климат) – OLS и 2SLS-регрессии (колонка 4), Т-статистика – в скобках

Зависимая переменная	Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1975-99гг., y			
Число наблюдений	90	90	90	85
ВВП на душу населения по ППС в 1975г., долл.	-0,0004*** (-3,31)	-0,0005*** (-4,16)	-0,0004*** (-4,07)	-0,0009** (-2,52)
Доля инвестиций в ВВП в 1975-99гг., %, I			0,122*** (3,29)	
Среднегодовые темпы роста населения в 1975-99гг., %, n		-0,614** (-2,56)	-0,559** (-2,35)	
Прирост уровня демократии, Δ	-0,906** (-2,47)	-1,193*** (-5,65)	-0,981*** (-5,16)	-2,71*** (-3,03)
Произведение индекса инвестиционного климата на прирост уровня демократии, $IC * \Delta$	0,016** (2,38)	0,020*** (5,08)	0,016*** (4,66)	0,047*** (2,99)
Индекс инвестиционного климата в 1984-90гг., IC	0,042 (1,09)			
Константа	-0,151 (-0,07)	4,003*** (4,25)	0,883 (0,69)	3,41*** (2,92)
Инструменты				D, Is, FI
Скорректированный R^2	37	41	52	-

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно. Инструментированные переменные: Δ и IC . Инструменты: D, Is, FI .

Эта регрессия тоже может давать неверные оценки коэффициентов из-за эндогенности между демократизацией и экономическим ростом, так что мы опять воспользовались инструментальными переменными, чтобы инструментировать показатели прироста демократии и интерактивный член – произведение прироста демократии на индекс инвестиционного климата. К сожалению, нам не удалось найти инструментальных переменных, чтобы получить стабильный результат. Используя те же инструментальные переменные, что и раньше – исходный уровень авторитаризма, *D*, дамми-переменную для исламских стран, *Is*, и долю импорта топлива и энергии в общем импорте, *FI*, а также контролируя на исходный уровень подушевого дохода, мы получаем пороговый уровень инвестиционного климата, равный 57,7 % (колонка 4 таблицы 6), что достаточно близко к результату, полученному ранее. Однако при включении контрольных переменных – доли инвестиций в ВВП или темпов роста населения – регрессия разрушается.

Таким образом, гипотеза о существовании порогового значения институциональных показателей (до достижения порога демократизация замедляет рост, а после – ускоряет) подтверждается при использовании индекса коррупции в качестве характеристики качества институтов и отчасти – при использовании индекса инвестиционного климата (здесь результат не так устойчив). Работа с данными, однако, убедила нас, что альтернативой пороговой гипотезе является не положительная зависимость экономического роста от демократизации, а отрицательная – ни в одной из альтернативных регрессий коэффициент при демократизации не приобретает положительного знака.

6. Демократизация и подрыв институтов в слабых демократиях

Тезис о важности институтов для экономического роста сегодня, видимо, не у кого не вызывает сомнений. В последние годы в этой области появились исследования, существенно продвигающие наши представления об этой зависимости (см. обзоры в: Aaron (2000) и Acemoglu et al. (2004)). Rodrik, Subramanian, and Trebbi (2002) использовали инструментальные переменные для показателей институтов и доли внешней торговли в ВВП (открытость экономики), чтобы корректно оценить влияние

на рост трех факторов – институтов, открытости и географического положения при наличии эндогенности (не только институты и открытость способствуют росту, но и рост ведет к укреплению институтов и повышению открытости). Оказалось, что институты являются ключевым фактором, затмевающим воздействие двух других (статья так и называется – «Институты правят балл»). Пост-вашингтонский консенсус Stiglitz (1998, 1999) отличается от вашингтонского консенсуса, среди прочего, и тем, что институты признаются более важным фактором экономического роста, чем политика либерализации.

Эффективность государственных и негосударственных институтов можно оценить количественно. В большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы (Албания, Болгария, Румыния) разрушение институтов проявляется в гигантском увеличении доли теневой экономики; в падении доли государственных доходов в ВВП; в неспособности государства выполнить свои обязательства по предоставлению коллективных благ (public goods) и налаживанию работающих механизмов регулирования хозяйственной жизни; в накоплении неплатежей – просроченной задолженности (налоговым органам, рабочим, банкам, поставщикам); в демонетизации (падение отношения $M2/VBP$, т.е. рост скорости обращения денег), долларизации и бартеризации экономики; в снижении доли банковского кредитования в ВВП; в отсутствии эффективно применяемых процедур банкротств, защиты контрактов, прав собственников и общественного порядка в целом; в высоком и растущем уровне преступности; и т. д. Большинство указанных признаков может быть измерено количественно, причем результат подтверждает высказанное выше суждение: авторитарные режимы, такие как Вьетнам и Китай, Тайвань и Южная Корея до конца 1980-х годов по показателям эффективности институтов, оказываются ближе к старым и новым демократиям Европы, чем ко многим нелиберальным демократиям «третьей волны».

Собственно говоря, и уровень инфляции – один из показателей институциональной эффективности, так как высокая инфляция – не столько следствие ошибочной политики (все знают, что печатать слишком много денег плохо), сколько слабости центрального правительства в отношении фирм, финансовых групп, отраслевых лобби, регионов, парламента и т. д. Эта слабость проявляется в

неспособности, с одной стороны, собрать достаточно налогов для финансирования обязательств, а с другой – отказать группам давления в увеличении расходов. В итоге, рост бюджетного дефицита, который, когда становится слишком большим, может финансироваться только за счет займов у центрального банка (т.е. за счет увеличения денежной массы), что неизбежно ведет к инфляции.

Инфляция поэтому – довольно точный показатель расколотости общества и слабости правительства. Как иногда говорят, инфляция - способ избежать гражданской войны: если бы инфляционное финансирование было бы технически невозможно, противостоящим общественным силам (партиям, регионам, промышленным группам) пришлось бы вести открытую борьбу за свою часть общественного пирога. Инфляционное же финансирование дефицита бюджета (т.е. финансирования госрасходов за счет инфляционного налога на всех и вся, не платить который невозможно) позволяет на время спрятать проблемы «под ковер», но вместе с тем свидетельствует о бессилии правительства собрать нормальные (неинфляционные) налоги и урезать расходы конкретным адресатам.

Высокая же инфляция, как известно, ведет к демонетизации, долларизации и декредитизации экономики: чем выше темпы роста цен, тем ниже отношение денежной массы, депозитов и кредитов к ВВП – в переходных экономиках, да и в других странах, эта зависимость прослеживается очень четко. Скажем, в странах бывшего СССР, переживших высокую инфляцию, отношение денежного агрегата M_2 к ВВП и банковских кредитов к ВВП находится в среднем на уровне 10%, а в странах Центральной Европы и в Китае, где инфляция в переходный период была низка, упомянутые показатели составляют порядка 100%.

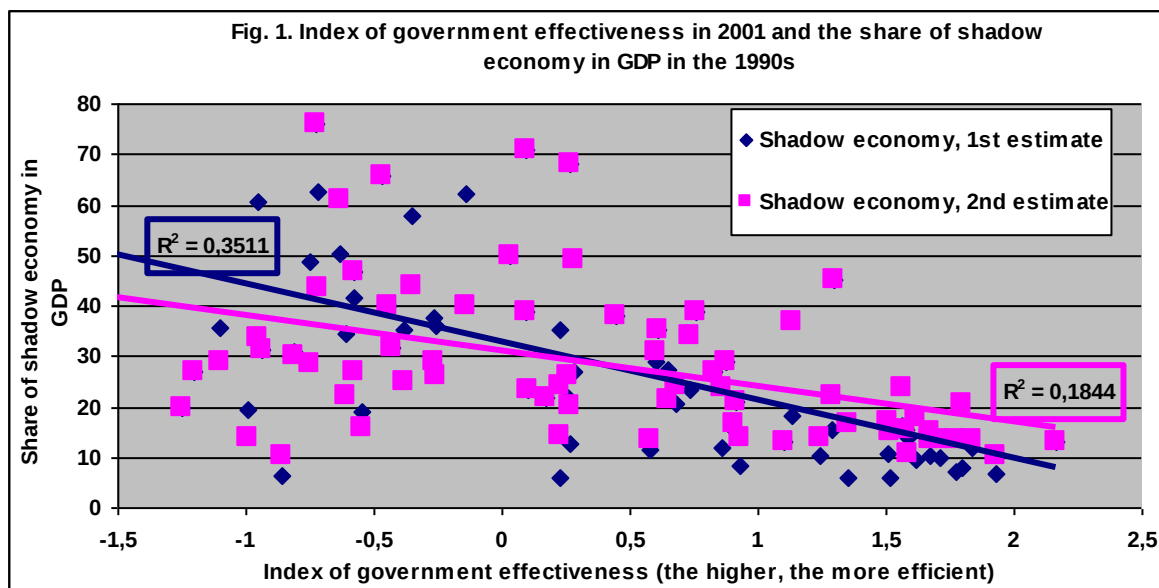
Один из возможных обобщающих показателей эффективности институтов – степень доверия фирм и граждан к государственным (и негосударственным) институтам в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, и т. п. – здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ отстают от всех регионов, в том числе и от Африки, причем разрыв между Восточной Европой и странами СНГ больше, чем между Восточной Европой и Южной и Юго-Восточной

Азией или Латинской Америкой (World Bank,1997). Другие показатели эффективности институтов – индекс эффективности правительства (WDI, 2001; Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobaton Pablo, 1999), индекс восприятия коррупции, индекс инвестиционного климата (WDI database).

Институты, как правило, рассматриваются как экзогенный фактор, однако в данной работе мы пытаемся показать, что ранняя демократизация, то есть введение конкурентных выборов должностных лиц в условиях необеспеченности основных либеральных прав (собственности, контрактов, неприкосновенности личности, справедливого судебного разбирательства и проч.) ведет к ослаблению институционального потенциала, в частности, к снижению индексов правопорядка и эффективности правительства, к росту коррупции и теневой экономики, к ухудшению инвестиционного климата.¹³ Многие из рассматриваемых ниже показателей качества институтов коррелированы между собой – так, например, индекс эффективности правительства тем выше, чем меньше теневая экономика (рис. 3), однако это только усиливает наши выводы.

¹³ Мы не утверждаем, что институты лучше при авторитарных режимах, чем при демократических. Мы только показываем, что при слабости институтов демократизация еще более их ухудшает. Это вполне согласуется с выводами другой работы (Triesman, 1999), в которой показано, что текущий уровень

Рис. 3.

6.1. Теневая экономика и демократизация

Если использовать индекс восприятия коррупции в 1980-85гг. в качестве меры качества институтов, то получается следующее уравнение для объяснения межстрановых различий в доле теневой экономики в ВВП (мы используем две доступные оценки – S_1 и S_2):

$$S_1 = 37.50 - 0.002Y - 22.70Tr + 3.74\Delta - 0.86CPI\Delta,$$

(4.25) (-2.44) (-4.16) (4.83) (-6.59)

(N=33, $R^2 = 78\%$, Т-статистика в скобках)

$$S_1 = 37.50 - 0.002Y - 22.70Tr + 0.86\Delta(4.35 - CPI), \quad (1)$$

где, как и прежде, Δ – прирост уровня демократии в 1972-2002гг., CPI – индекс восприятия коррупции в 1980-85гг., Y - ВВП на душу населения по ППС в 1975г.; Tr – дамми переменная для посткоммунистических стран. Получается, что в относительно некорруптированных в 1980-85гг. странах демократизация вела к снижению доли теневой экономики, тогда как в корруптированных странах эффект был прямо

демократии никак не влияет на уровень коррупции, но чем дольше существует демократический режим, тем вероятнее, что коррупция будет ниже.

противоположным. Пороговый уровень индекс коррупции в 1980-85гг. составлял 4.35 – где-то на уровне между Португалией и Грецией.

Для второй оценки теневой экономики результаты практически не отличаются (2), разве что пороговое значение индекса коррупции в 1980-85гг. оказывается несколько выше – 5.64.

$$S_2 = 35.31 - 0.022Y - 21.45Tr + 3.78\Delta - 0.67CPI\Delta, \quad (2)$$

(3.23) (-2.09) (-3.39) (4.83) (-4.22)

(N=33, R² = 78%, Т-статистика в скобках)

Если же в уравнения (1) и (2) включить в число объясняющих переменных *CPI* в качестве линейного члена, то он оказывается незначимым и не увеличивает R². Наша пороговая гипотеза, таким образом, подтверждается.

Такие же регрессии «работают и с показателем инвестиционного климата в качестве порога – здесь мы имеем больше наблюдений – 47 а порог индекса инвестиционного климата, *IC*, - 60-63%, а качество регрессии опять-таки ухудшается, если *IC* включать в качестве линейного члена :

$$S_1 = 100.7 - 21.3\log Y + 0.12\Delta(63 - IC), \quad (1a)$$

(3.07) (-2.19) (3.45) (-3.13)

(N=47, R² = 71%, Т-статистика в скобках)

$$S_2 = 35.31 - 22.8\log Y + 0.09\Delta(60 - IC) \quad (2a)$$

(3.29) (-2.35) (2.39) (-2.25)

(N=47, R² = 64%, Т-статистика в скобках)

6.2. Правопорядок и демократизация

Если регрессировать индекс правопорядка за 2000г. на прирост демократии (демократизацию) за предыдущие 30 лет и интерактивный член (произведение) демократизации и индекса коррупции в 1980-85гг., то получается, что демократизация ведет к укреплению правоворядка только в странах с относительно низкой начальной коррупцией – в соответствии с (3) пороговое значение индекса коррупции равно 3.04:

$$RL = -0.28 - 0.17\Delta + 0.056CPI\Delta = -0.28 + 0.056\Delta(CPI-3.04) \quad (3)$$

(-0.09) (-2.81) (7.69)

(N=52, R² = 55%, Т-статистика в скобках)

Однако, если включить в правую часть уравнения плотность населения, **PopDens**, исходный (в 1980-85гг.) уровень коррупции, **CPI**, и исходный (в 1972-75гг.) уровень демократии, **D**, в качестве линейных контрольных переменных, то знак переменной демократизации меняется:

$$RL = 0.003 + 0.0002PopDens - 0.27D + 0.22CPI + 0.24\Delta \quad (4)$$

(5.51) (-4.68) (6.44) (5.83)

(N=51, R² = 84%, Т-статистика в скобках)

Получается, что высокая плотность населения, низкая коррупция и высокий уровень демократии в начале периода, и демократизация в течение всего периода – все это факторы, способствовавшие укреплению правопорядка. Эта регрессия объясняет 84% всех вариаций, коэффициенты в ней очень значимы. Более того, инструментирование переменной демократизации (через показатели чистого импорта топлива и дамми-переменной для исламских стран, как мы делали раньше) вообще не меняет параметров регрессии, так что данная гипотеза (отсутствие порога и безусловно положительное и линейное влияние демократизации на правопорядок) оказывается предпочтительнее первой.

6.3. Коррупция и демократизация

Коррупция – еще один возможный показатель правопорядка. Напомним, что индекс восприятия коррупции тем выше, чем ниже коррупция, то есть на самом деле измеряет уровень чистоты госаппарата. Регрессируя индекс восприятия коррупции в 2002-03гг. на демократизацию (прирост демократии в предшествующие 30 лет) и интерактивный член между демократизацией и коррупцией в середине периода (1980-85гг.), при контроле на исходный ВВП на душу населения, **Y**, получаем уравнение (5):

$$CPI_{2002} = 2.84 + 0.00044Y - 0.31\Delta + 0.10CPI\Delta = -0.28 + 0.00044Y + 0.10\Delta(CPI-3.1) \quad (5)$$

(4.28) (4.00) (-2.51) (4.83)

(N=45, $R^2 = 0,73$, Т-статистика в скобках).

Порог коррупции в этом уравнении очень близок к порогу, полученному в уравнении (3). При включении в правую часть переменной исходного уровня демократии, D , она оказывается незначимой, хотя значимость всех других переменных сохраняется, а коэффициенты меняются не сильно. При включении в правую часть исходного ВВП на душу населения в 1975г., Y , и переменной темпов роста ВВП на душу населения в 1975-99гг., y , значимость коэффициентов сохраняется, а R^2 поднимается до 0,81.

Другой пороговой регрессией является зависимость коррупции в 2002-03гг. от демократизации при разных уровнях ВВП на душу населения в 1975г., Y :

$$CPI_{2002} = 4.62 + 0.26y + 0.31T - 0.41\Delta + 0.00021 Y\Delta,$$

(5.06) (2.11) (5.54) (4.83)

(N=73, $R^2 = 0,47$, Т-статистика в скобках)

или

$$CPI_{2002} = 4.62 + 0.26y + 0.31T + 0.00021 \Delta(Y - 1952), \quad (6)$$

где T – среднее отношение суммы экспорта и импорта к ВВП по ППС в 1980-99гг. (показатель, характеризующий степень открытости экономики). Порговый уровень ВВП на душу в 1975г. (\$1952) близок к уровню Алжира, Колумбии, Перу, Турции.

Однако если ввести в правую часть в качестве контрольной переменной показатель уровня коррупции в 1980-85гг., CPI , все регрессии описанные выше, «рассыпаются». Лучшим уравнением для описания коррупции в 2002-03гг. оказывается такое, которое вообще не содержит показателя демократизации:

$$CPI_{2002} = 0.51 + 0.32y + 0.01T + 0.00048 Y + 0.37CPI \quad (7)$$

(1.41) (3.25) (2.68) (4.67) (3.62)

(N=45, $R^2 = 0,87$, Т-статистика в скобках).

Согласно этому уравнению, при данном уровне ВВП на душу и уровне коррупции в начале/середине периода, уровень коррупции к концу периода был ниже в странах с более высокими темпами роста ВВП на душу и с большей экономической открытостью

(доля внешней торговли в ВВП), а демократизация не имела никакого значения. Недостаток этого уравнения, однако в том, что экономический рост, как было показано ранее, сам зависит от демократизации сложным образом (нелинейно, с порогом), так что включение демократизации в правую часть наряду с темпами экономического роста не вполне правомерно. Кроме того, разница в качестве регрессий (5) и (7) не слишком велика.

6.4. Инвестиционный климат и демократизация

Если качество институтов измерять индексом инвестиционного климата, то получается, на первый взгляд, аналогичное предыдущим пороговое уравнение (8):

$$IC_{2000} = 63.45 + 0.0013Y - 4.51\Delta + 0.084IC\Delta = 63.45 + 0.0013Y + 0.084\Delta(IC - 53.7) \quad (8)$$

(2.57) (4.34) (-5.03) (6.59)

(N=86, $R^2 = 0,59$, Т-статистика в скобках).

Демократизация имела положительное влияние на инвестиционный климат в 2000г., только если индекс инвестиционного климата в 1984-90гг., IC , был выше порога – 53,7% (уровень Ганы, Индонезии и Пакистана).

Однако показатель демократизации становится незначимым, если в качестве контрольной переменной включить сам индекс инвестиционного климата в 1984-90гг., IC . Без показателя демократизации можно получить линейную регрессию, которая не хуже (8):

$$IC_{2000} = 40.20 + 0.0011Y + 0.433 IC. \quad (9)$$

(11.93) (4.70) (7.65)

(N=86, $R^2 = 0,61$, Т-статистика в скобках).

Таким образом, мы имеем два практически равнозначных объяснения динамики индекса инвестиционного климата. Недостаток второго объяснения состоит в том, что демократизация, видимо, сама зависит от индекса инвестиционного климата, так что возникает проблема эндогенности. К сожалению, мы не смогли найти инструментальные

переменные для демократизации, которые бы не были скоррелированы с индексом инвестиционного климата.

6.5. Эффективность правительства и демократизация

В таблице 7 показаны результаты регрессий индекса эффективности правительства в 2000г. на ряд объясняющих переменных. Контролируя на уровень ВВП на душу и на индексы правопорядка и другие измерители силы институтов, получаем, что демократизация в 70-90-е годы имела явно отрицательный эффект на эффективность правительства. В четвертой колонке таблицы 7 приведены параметры регрессии, в которой индекс восприятия коррупции в 1980-85гг. используется в качестве показателя силы институтов, уравнение этой регрессии приведено ниже:

$$GE = -2.6 + 0.91\log Y + 0.007FI + 0.025\Delta(CPI - 3.7), \quad (10)$$

(-2.64) (4.49) (1.76) (2.95) (-2.44)

(N=45, R² = 73%, Т-статистика в скобках).

В соответствии с (10) получается, что демократизация в относительно чистых странах (с индексом восприятия коррупции 3,7 и более – выше, чем в Колумбии, но ниже, чем в Индии) повышает эффективность правительства, но в более «грязных» странах ведет к снижению эффективности госаппарата.

Так же как и в случае с объяснением коррупции, для индекса эффективности правительства можно получить лучшее уравнение вообще без показателя демократизации:

$$GE = -2.5 + 0.65\log Y + 0.007IMPfuel + 0.17CPI \quad (10a)$$

(-4.74) (3.40) (2.08) (4.93)

(N=45, R² = 77%, Т-статистика в скобках).

Таблица 7. Факторы, объясняющие индекс эффективности правительства в 2000г.- результаты OLS регрессий

Зависимая переменная	Индекс эффективности правительства в 2000г.				
Число наблюдений	155	131	154	45	45
Десятичный логарифм ВВП на душу населения по ППС в долл. США в 1975г.				0,65 ***	0,91 ***
ВВП на душу населения по ППС в долл. США в 1999г.		0,000 01 *			
Индекс правопорядка в 2000г.	0,92 ***	0,83 ***	0,41 ***		
Индекс прозрачности и подотчетности в 2000г. (WDI, 2001)			0,09*		
Индекс политической стабильности в 2000г. (WDI, 2001)			0,11**		
Индекс контроля над коррупцией в 2000г. (WDI, 2001)			0,25 ***		
Индекс качества управления в 2000г. (WDI, 2001)			0,18 ***		
Чистый импорт топлива в 1960-99гг. в % ко всему импорту				0,007 **	0,007*
Прирост уровня демократии, Δ	-0,03 **	-0,03 *	-0,06 ***		-0,09 **
Индекс восприятия коррупции в 1980-85гг.				0,17 ***	
Интерактивный член = демократизация* индекс восприятия коррупции в 1980-85гг.					0,025 ***
Константа	0,13 *	0,04	0,28 ***	2,5***	2,65 ***
Скорректированный R ²	86	87	90	77	73

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно.

Кроме того, если использовать для измерения качества институтов индекс инвестиционного климата за 1984-90гг, **IC**, то результаты очень схожи – два уравнения с практически одинаковой теснотой связи ($R^2 = 77\%$) и значимостью переменных, но одно с порогом, а другое без – него, могут быть получены для большей группы стран (около 100).

6.6. Как демократизация влияет на качество институтов – проблема эндогенности

Нами проведены многочисленные расчеты регрессионных зависимостей ряда индикаторов качества институтов (индекса восприятия коррупции, индекса

инвестиционного климата, индекса эффективности правительства) от показателя демократизации Δ . Результаты оказались неустойчивыми к спецификации модели. Как правило, удастся получить значимые пороговые регрессии, но при этом обнаруживаются чисто линейные спецификации, согласно которым демократизация оказывается незначимым фактором либо даже положительно влияет на качество институтов в конце рассматриваемого периода. Вероятнее всего неустойчивость вызвана недостатками выбранного показателя демократизации, о которых говорилось выше. Его увеличение за длительный период свидетельствует об успехе демократизации и лишь косвенно указывает на имевшие место в прошлом издержки. Эта косвенная связь оказала доминирующее влияние на объективные показатели – темп роста и долю теневой экономики, но, как выяснилось, не повлияла устойчивым образом на субъективные меры качества институтов. В связи с этим мы использовали другой показатель демократизации, примененный в работе (Polterovich, Popov, Tonis, 2006). Этот показатель, обозначаемый A , характеризует устойчивость политического режима и равен отношению индекса авторитаризма в 2002 г. к его минимальному значению. Этот показатель равен единице (своей минимальной возможной величине) для абсолютно устойчивых режимов - и демократических, и автократических; он также равен единице при монотонном росте уровня демократии. Он больше единицы, если в конце периода уровень авторитаризма выше минимума за период. Практически для всех рассматривавшихся стран в нашей выборке росту авторитаризма предшествовала демократизация. Таким образом, наш показатель отражает неудачу демократизации и, следовательно, косвенно свидетельствует о связанных с ней издержках.

В работе Polterovich, Popov, Tonis (2006) было показано, что процесс демократизации тем менее стабилен, чем хуже качество институтов в начале рассматриваемого периода. Оказывается, кроме того, что качество институтов в конце периода ухудшается в результате нестабильной демократизации. В частности, мы получили следующее регрессионное соотношение:

$$CPI_{2002} = 2.14 + 0.55CPI + 0.00034Y + 0.00037PD - 1.05 \cdot 10^{-12}Y_{tot} - 0.73A. \quad (11)$$

(3.53) (4.74) (2.63) (3.71) (-2.62) (-2.08)

где число точек $N=44$, $R^2 = 85\%$, уровень значимости – 5%, значения t-статистики даны в скобках. Здесь CPI_{2002} - средний индекс восприятия коррупции в 2002 -2003 гг. (чем он больше, тем менее коррумпирована система), CPI – аналогичный показатель для начала периода, Y – душевой ВВП, а Y_{tot} – совокупный ВВП на начало периода, PD - плотность населения. Согласно результатам из Polterovich, Popov, Tonis (2006), чем выше начальный уровень коррупции, тем больше вероятность возврата к авторитаризму после демократизации. А такой возврат, согласно (3), оказывает негативное влияние на уровень коррупции.

Регрессия (3) устойчива, в частности, она сохраняет значимость и при исключении Y_{tot} из числа объясняющих переменных. Аналогичные результаты имеют место и для других институциональных индексов.

6.7. Демократизация и размеры правительства

Объем предоставляемых государством общественных благ зависит, во-первых, от эффективности работы правительства (выход общественных благ на единицу госрасходов) и, во-вторых, от объема госрасходов. Поэтому финансовая мощь государства - доля государственных доходов в ВВП¹⁴ - может компенсировать ухудшение институтов, связанное с падением эффективности правительства. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких налогах в бывших коммунистических странах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики во многих таких странах зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывших социалистических странах государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощью, чем в странах Западной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять коллективные блага (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс

¹⁴ Мы пользуемся показателем доходов, а не расходов, чтобы исключить негативное воздействие дефицита бюджета. Фактически мы рассматриваем только госрасходы, подкрепленные доходами.

вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5-2 раза.

Во Вьетнаме доля госдоходов в ВВП возросла в 1989-93 гг. 1,5 раза. В Китае за все два десятилетия реформ доля госдоходов в ВВП упала более чем в 2 раза, однако, во-первых, основное падение пришлось на вторую половину 80-х годов, тогда как в первой половине 80-х годов доходы государства были довольно стабильны; во-вторых, снижение госдоходов было контролируемым (т.е. проводилось по инициативе государства, а не вопреки его политике); в-третьих, расходы на традиционные государственные функции в % к ВВП остались на неизменном уровне (см. подробнее ниже).

В большинстве же стран СНГ сокращение государственных расходов происходило хаотично, сразу по всем статьям, без переоценки государственных обязательств и было вызвано катастрофическим снижением налоговых сборов. Вместо полного закрытия менее важных государственных программ и концентрации ограниченных ресурсов на более важных, правительства, по сути, пустили дело на самотек, оставив большинство программ с половинным финансированием и фактически в неработающем полуживом состоянии. Неизбежный результат - деградация всей системы государственных услуг – образования, здравоохранения, правопорядка и т. д. и превращение государственных институтов в синоним неэффективности.

Динамика производства при переходе к рынку в переходных экономиках определялась не столько темпами либерализации, сколько фактическим коллапсом государства из-за резкого сокращения госрасходов в реальном исчислении и неспособности государства предоставить общественные блага, которые оно должно предоставлять по определению (правопорядок, образование, здравоохранение, инфраструктура) для обеспечения благоприятных условий для роста (Попов, 1998). Иначе говоря, главный сюжет истории постсоциалистической экономической трансформации связан не с темпами либерализации, а с коллапсом госинститутов, не с провалом рынка, а с провалом государства.

Страны Центральной Европы, Эстония, Беларусь, Узбекистан имеют сумели удержать госрасходы в % к ВВП на относительно высоком уровне (или по крайней мере затормозить падение этого показателя). Сегодня эти страны имеют и более низкие

показатели коррупции, и лучшие показатели силы институтов, и лучшую экономическую динамику. Согласно опросу фирм в странах Восточной Европы и бывшего СССР, например, только в двух странах было зарегистрировано статистически значимое улучшение во всех 7 сферах госуправления (судебная система, борьба с преступностью, контроль над коррупцией, таможенное и налоговое регулирование, политика в отношении занятости и регистрация и лицензирование бизнеса) в 2002-05гг. – в Словении и Беларуси (EBRD, 2005).

При рассмотрении всех стран, а не только посткоммунистических, оказывается, что изменение финансовой мощи государства также является важным фактором, воздействующим на экономический рост. Не вдаваясь в подробности, и не обсуждая причинных зависимостей, отметим только, что страны с более высокими темпами роста ВВП на душу населения в 70-90-е годы имели и более высокие темпы повышения доли госдоходов в ВВП (Polterovich, Porov, 2004). Причем, уровень демократии в начале периода и последующая демократизация оказывали негативное воздействие на долю госдоходов в ВВП. Нижеследующее регрессионное уравнение как раз и показывает, что в при прочих равных условиях в более демократических и быстро демократизирующихся странах доходы центрального правительства по отношению к ВВП росли медленнее, чем в других:

$$rev_{1999} = 73.02 + 0.075Y - 10.80Rev + 67.71D - 34.08\Delta, \quad (12)$$

(2.77) (-2.57) (2.41) (-2.15)

(N=66, R² = 0.67, T-статистика в скобках)

где **rev₁₉₉₉** - доля госдоходов центрального правительства в ВВП в 1995-99гг. в % к уровню 1971-75гг.,

D – уровень авторитаризма в 1972-75гг.

При добавлении индекса восприятия коррупции, **CPI**, в качестве линейного члена демократизация, **D**, и все другие объясняющие переменные (исключая **Rev**) теряют значимость, но теснота связи резко падает (R² = 25%). Таким образом, получается, что демократизация сильно подрывает финансовую мощь государства, что, видимо, отрицательно сказывается на экономическом росте, особенно в развивающихся странах.

6.8. Демократизация и макроэкономическая политика

Как показали исследования, проведенные в основном на материале латиноамериканских стран (Kaufman and Stallings, 1991; Dornbush and Edwards, 1989; Sachs, 1989), так называемые «переходные демократии» в отличие от «зрелых» (устойчивых) демократий и автократий имеют меньше возможностей противостоять макроэкономическому популизму. Слабые правительства в «переходных демократиях» не могут собрать достаточно налогов и потому чаще других прибегают к инфляционному финансированию бюджетных дефицитов, то есть к инфляционному налогу на всех.

Собственно говоря, это и демонстрирует таблица 8, где приведены результаты регрессий среднегодовых темпов инфляции на уровень и прирост уровня демократии. Согласно первому уравнению, выписанному ниже, получается, что при контроле на индекс инвестиционного климата в 1984-90гг. инфляция была выше в странах с более высоким уровнем демократии в 1972-75гг. и более высоким приростом этого уровня в последующие три десятилетия:

Таблица 8. Факторы, объясняющие темпы инфляции, – параметры регрессионных уравнений

Зависимая переменная	Десятичный логарифм среднегодовых темпов инфляции (индекса-дефлятора ВВП) в 1975-99гг.	
Число наблюдений	91	83
Логарифм ВВП на душу населения по ППС в 1975г., долл.		
Среднегодовая инфляция в 1960-99гг., %		0,03***
Индекс инвестиционного климата в 1984-90гг., %	-0,05***	-0,03***
Уровень демократии в 1972-75гг. (чем выше, тем меньше демократии)	-0,2***	-0,10***
Прирост уровня демократии, Δ	0,18***	0,10***
Константа	5,90***	3,85***
Скорректированный R ²	44	81

*, **, *** - Значимость на уровне 10%, 5% and 1% соответственно.

$$Lg(Inflation_{75-99}) = 5.2 - 0.048IC - 0.20D + 0.18\Delta, \quad (13)$$

(9.36) (-7.29) (-4.02) (3.55)

(N=91, R² = 0.44, Т-статистика в скобках)

где *Inflation*₇₅₋₉₉ – среднегодовая инфляция (индекс-дефлятор ВВП) в 1975-99гг.

Вторая колонка таблицы 8 показывает, что этот вывод сохраняет свою значимость даже если контролировать на инфляционную инерцию (среднегодовые темпы инфляции в 1960-99гг.). Порога в этом уравнении нам найти не удалось.

7. Выводы

Видимо, есть несколько причин, по которым многочисленные исследования о воздействии демократии на экономический рост дают разные и даже противоречивые результаты. Во-первых, в прежних работах обсуждалось воздействие уровня демократии, а не прироста этого уровня. Наши регрессии показывают, что воздействие начального уровня демократии на рост часто положительно или незначимо, но воздействие демократизации (прироста уровня демократии) почти всегда отрицательно и значимо.

Во-вторых, и это, вероятно, самое важное, во многих работах не проводится строгого различия между правопорядком (защита всех гражданских прав, исключая политические) и демократией (гарантии политических прав). В данной работе мы пытались разделить эти два понятия и проконтролировать на правопорядок, то есть сравнить эффекты демократизации в странах с разной способностью правительств поддерживать порядок, опираясь не на волю диктатора, а на свод законов, установленных правил и традиций. Получилось, что в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство и экономический рост, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их дальнейшему ослаблению и подрывает рост.

Не все наши результаты полностью подтверждают эти выводы. Возможно, одна из причин состоит в том, что мы рассматривали длительный (25 лет) период без проведения различий между шоковой и постепенной демократизацией. Кроме того,

необходимо принимать во внимание не только темпы роста ВВП на душу, но и интегральную величину ВВП в целом за период.

Другая причина может быть связана с качеством данных. При использовании субъективных индексов качества институтов (разделы 6.2 – 6.4) мы не смогли показать, что пороговые уравнения (положительное влияние демократизации на качество институтов при высоком уровне правопорядка и отрицательное – при низком) лучше других описывают фактическую динамику. Но при использовании показателя доли теневой экономики в ВВП пороговая форма зависимости оказалась наилучшей. Почему? Не исключено, что субъективные индексы (правопорядка, эффективности правительства, инвестиционного климата и коррупции) выставляются экспертами таким образом, что они сильно коррелированы с демократией, так что оказываются не слишком надежными, менее надежными, чем показатели доли теневой экономики, рассчитанные при известных упрощающих допущениях, но все-таки на основе объективных данных экономической статистики. Например, если регрессировать показатель доли теневой экономики на ВВП на душу и на эти субъективные индексы, оказывается, что только показатель ВВП на душу оказывается значимым, тогда как все перечисленные субъективные индексы качества институтов оказываются незначимыми. Это полностью противоречит интуиции и заставляет сомневаться в качестве этих субъективных индексов.

Еще одна причина – эндогенность между показателем демократизации и качеством институтов, обсужденная в разделе 6.6. Как было показано, если использовать показатель *успешной* демократизации, то он положительно влияет на качество институтов. Нужны, конечно, дополнительные исследования для четкого понимания, какое из этих объяснений является главным.

В целом и в общем, наши эмпирические результаты хорошо подтверждают, что демократизация в странах со слабым правопорядком негативно влияет на экономический рост, и что главные каналы такого влияния – повышение доли теневой экономики, замедление роста доли доходов в ВВП, ухудшение качества макроэкономической политики (рост инфляции). Что же касается других каналов, а именно снижения качества государственных институтов (рост коррупции, ухудшение правопорядка, эффективности госуправления и инвестиционного климата) при

демократизации в условиях слабого правопорядка, то наши результаты не полностью убедительны, работа в этом направлении должна быть продолжена.

Практические выводы из проведенного анализа, наверное, можно сформулировать так. Быстрое ведение демократии в авторитарных странах со слабым правопорядком, путем «шокотерапии», может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий¹⁵. Демократизация, то есть переход к демократии от автократии, так же как и рыночные реформы, должна быть постепенной и идти рука об руку с укреплением правопорядка. Демократия, участие широких масс в процессе принятия решений, развитие гражданского общества – все это важные самоценные идеалы развития, но они могут быть легко скомпрометированы, если их реализация приводит к ослаблению институтов, замедлению экономического роста, увеличению социального неравенства и преступности. Вопрос крайне актуален для Китая и многих других автократий, уже постепенно внедряющих выборные механизмы и стоящих на пороге полной демократизации: какой должна быть скорость и последовательность демократических реформ, чтобы их отрицательные последствия оказались минимальными.

И еще одно соображение против «внедрения демократии любой ценой». Система приоритетов или, если хотите, жизненных ценностей в странах с разными уровнями развития различна. Люди по всему миру ценят не только материальное благополучие, но и социальное равенство и справедливость, безопасность, чистоту окружающей среды, возможность дожить до глубокой старости и многое другое, но вот относительная ценность этих показателей благополучия различна. На что потратить неожиданно появившийся дополнительный миллиард долларов в государственном бюджете – на защиту животных, на снижение детской смертности или на борьбу с преступностью? Ответ будет различным в Колумбии и в США, как и будет различным ответ об относительной ценности демократии. Нужно ли говорить, что в бедной стране с низкой продолжительностью жизни и высокой преступностью избиратели, скорее всего, поддержат программу ускорения экономического роста, сокращения смертности

¹⁵ В недавнем исследовании политических реформ в арабском мире Д. Блумберг писал: «Нам далеко не ясно, как реформировать либерализованные автократии... Поощрение быстрых изменений, например, введение полностью конкурентных выборов, может привести к победе радикалов и даже к возвращению к полной автократии» (Brumberg, 2003).

и наведения порядка, даже если это и связано с ограничениями демократии – примеров такого рода голосования более, чем достаточно от Пакистана и Таиланда до России.

Бескомпромиссные сторонники демократии во что бы то ни стало, конечно, скажут в ответ, что демократизация не только цель, но и средство, помогающее достичь других целей развития, таких как продолжительность жизни, социальное равенство, низкая преступность. Действительно, разве не ведет демократизация к установлению строгого контроля над деятельностью чиновников, к снижению коррупции, к повышению эффективности правительства и к более равномерному распределению доходов? Правильно, ведет, но лишь при одном неременном условии – при установившемся правопорядке, при обеспечении всех других прав и свобод личности, помимо демократических. А в странах со слабым правопорядком (а таких среди развивающихся абсолютное большинство) демократизация, как это ни неприятно, сопровождается усилением коррупции, снижением эффективности госинститутов, увеличением теневой экономики, ухудшением качества макроэкономической политики (высокие бюджетные дефициты и инфляция) и, как следствие, ростом преступности и социального неравенства и сокращением продолжительности жизни. Статистические подтверждения этому есть, да и отдельные примеры у всех на виду: Кыргызстан в середине 90-х годов был одной из самых демократических стран на пост-советском пространстве, его фактически поместили на доску почета в МВФ и первым из бывших советских республик, даже раньше Эстонии, приняли в ВТО в 1998 г. В итоге коррупция расцвела, как нигде, социальное неравенство и преступность возросли, чуть ли не половина национальной экономики или, точнее, того, что от нее осталось, перешла в руки “семьи”, и дело в итоге в 2005 г. закончилось очередной “революцией”.

Рискнем поэтому заключить, что кратчайший путь к полноценной либеральной демократии в странах с низким уровнем правопорядка, в том числе и в России, лежит не через немедленную демократизацию «любой ценой», а через укрепление правопорядка. Немедленная повсеместная выборность чиновников при низком правопорядке ведет только к «приватизации» самих демократических процедур, к покупке – продаже услуг чиновников на политическом рынке, при которой выигрывает, разумеется, крупный бизнес, а основная часть рядовых избирателей напрочь отстраняется от влияния на политические решения.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонцев, С. (1999). Экономическая трансформация в зеркале политико-экономического анализа. – *Россия XXI*, 1999, No. 3, с. 49-83.
- Полтерович, В., В. Попов. Стадии развития и экономический рост. – *Вопросы экономики*, № 7, 8, 2006г.
- Попов В.В. (1998). Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики. – *Вопросы экономики*, №.7, 1998г., с. 42-64.
- Сильные институты важнее скорости реформ. – *Вопросы экономики*, №.8, 1998г, с. 56-70.
- Aaron, J. (2000). Growth and Institutions: A Review of the Evidence. *The World Bank Research Observer*, v.15, No.1, 99-135.
- Acemoglu, A., Johnson, S., and J. Robinson. (2004). Institutions as the fundamental cause of long-run growth. NBER Working paper series, Working Paper 10481.
- Acemoglu, A., Johnson, S., Robinson, J., and P. Yared (2005). Income and Democracy. MIT, Working paper 05-05, February, 35 pp.
- Akhmedov, A., and E. Zhuravskaya (2004). Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting. - *Quarterly Journal of Economics*, November 2004, 1301- 1338.
- Alesina, A. and Rodrik, D. (1994), Distributive Politics and Economic Growth. – *Quarterly Journal of Economics*, 1994, May, Vol. 109, No.2, pp. 465-90.
- Barro (1996). Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth*, Vol.1, 3-27.
- Barro (1999). Determinants of Democracy. *Journal of Political Economy*, 1999, Vol. 107, No.6, 158-183.
- Barro R. (2000). Rule of Law, Democracy, and Economic Performance. Index of Economic Freedom, Ch.2, 31-49.
- Brumberg, D. (2003). Liberalization Versus Democracy. Understanding Arab Political Reform. Carnegie Endowment for International Peace, Working paper No. 37.
- Campos, N. (1999). “Back to the Future: The Growth Prospects of Transition Economies Reconsidered”. William Davidson Institute Working Paper No. 229, Ann Arbor, April 1999.
- Carothers, Thomas (2002). The End of the Transition Paradigm. – *Journal of Democracy*, Jan. 2002, pp.5-21.
- Chang, H.-J. (2002). Kicking Away the Ladder. Cambridge University Press.

- Cheung, S. (1998). The Curse of Democracy as an Instrument of Reform in Collapsed Communist Societies”, *Contemporary Economic Policy*, Vol.16, No.2, April 1998 pp.247-249.
- Chua, Amy (2002). *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: *Doubleday*, 2002.
- Dethier, Jean-Jacques, Ghanem, Hafez, Zoli, Edda. Does Democracy Facilitate the Economic Transition? World Bank, 1999.
- Clague, Ch., Keefer, Ph., Knack, St., and M. Olson (1996). Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies. *Journal of Economic Growth*, Vol.1, (June), 243-276.
- Chua, Amy (2002). *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: *Doubleday*, 2002.
- Diamond, Larry (1997a). Is the Third Wave of Democratization Over? An Empirical Assessment, Helen Kellogg Institute for International Studies Working Paper no. 236 (University of Notre Dame, March).
- Diamond, Larry (1997b). Is the Third Wave of Democratization Over? The Imperative of Consolidation. Working Paper #237 March 1997
- Dornbush, Rudiger and Edwards, Sebastian (1989). The Economic Populism Paradigm. NBER Working Paper 2986, Cambridge, Mass., 1989.
- EBRD (1997-2005). Transition Report. EBRD, London, 1997, various years.
- Ellman, Michael (2000). The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines. – *Cambridge Journal of Economics*, 2000, Vol. 24, pp. 603-30.
- Fernandez, Raquel, and Rodrik, Dani (1991). Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual Specific Uncertainty. – *American Economic Review*, 1991, Vol. 81 (5), 1146-1155.
- Fidrmuc, Jan (1998). Political Support for Reforms: Economics of Voting in Transition Countries. – *European Economic Review*, 44 (8), 2000, pp. 1491-1513.
- Fidrmuc, Jan (2002). Economic Reform, Democracy and Growth during Post-communist Transition. CEPR Discussion Paper No. 2759, 2002.
- Friedman, Eric J., Johnson, Simon, Kaufmann, Daniel, Zoido-Lobaton, Pablo (1999). Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries. – Fifth Nobel Symposium in Economics. Stockholm, September 10-12, 1999

(<http://web.mit.edu/sjohnson/www/attach/Dodging%20the%20Grabbing%20Hand%20August%201999.pdf>).

Frye, T. & Shleifer, A. (May 1997). The Invisible Hand and The Grabbing Hand, *American Economic Review*, pp. 354-358.

Gastil, R. D. (1989). Freedom in the World: political Rights and Civil liberties, 1988-89. New York.

Hellman, Joel, Jones, Geraint, and Kaufmann, Daniel (2000). How Profitable Is Buying the State Officials in Transition Economies? - *Transition. The Newsletter About Reforming Economies*, April 2000, p.8-11.

Holmes, S. (1997). What Russia Teaches Us Now. - *The American Prospect*, July-August, 1997, p. 30-39.

Intriligator, M.D. (1998). Democracy in Reforming Collapsed Communist Economies: Blessing or Curse? – *Contemporary Economic Policy* Vol.16, No.2, April 1998, pp.241-246.

Kaplan, Robert D. (2000). The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War. New York: *Random House*, 2000.

Kaplan, Robert D. (2000). The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War. New York: *Random House*, 2000.

Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, and Zoido-Lobaton Pablo (1999). Governance Matters. World bank Policy Research Working Paper 2 196
(<http://www.worldbank.org/wbi/governance/pdf/govmatrs.pdf>).

Kaufman, Robert R. and Stallings, Barbara (1991). The Political Economy of Latin American Populism. – In: *Macroeconomics of Populism in Latin America*. Ed. By R. Dornbush and S. Edwards. Chicago and London, 1991.

Knott, J.H., G.J. Miller (1987). Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 290 pp.

Liew, Leong. Marketization, Democracy and Economic Growth in China. – In: *Beyond the Asian Crisis: Pathways To Sustainable Growth*. Ed. By A. Chowdhury, I. Islam. Northampton, MA, Edward Elgar, 2001, pp. 300-23.

Naughton, Barry (1997). Economic Reform in China. Macroeconomic and Overall Performance. - In: *The System Transformation of the Transition Economies: Europe, Asia and North Korea*. Ed. by D. Lee. Yonsei University Press, Seoul, 1997.

Nelson, Michael A., Ram D. Singh (1998). Democracy, Economic Freedom, Fiscal Policy, and Growth in LDCs: A Fresh Look. – *Economic Development and Cultural Change*, July 1998, Vol. 46, No. 4, pp. 677-96.

Olson, Mancur (1991). Autocracy, Democracy and Prosperity. – In: Zeckhauser, Richard J. Strategy and Choice, Cambridge, MIT Press, 1991, pp. 131-57.

Olson, Mancur (2000). Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Basic Books, 2000.

Polterovich, Victor (1998). Institutional Traps and Economic Reforms. Working Paper # 98/004. New Economic School, Moscow, 1998.

Polterovich, Victor (2002). Political Culture and Transformational Recession. A Comment on the article by A. Hillman “En Route to the Promised Land” – Economics and Mathematical Methods, 2002 (in Russian).

Polterovich, Victor, V. Popov (2002). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. Paper presented at 10th NES Anniversary conference. Moscow, December 2002 (<http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf> and <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-charts.pdf>).

Polterovich, V., V. Popov. Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES, 2004 (<http://www.nes.ru/english/research/pdf/2005/PopovPolterovich.doc>). The updated version: <http://www.wider.unu.edu/conference/conference-2005-3/conference-2005-3.htm>.

Polterovich, Victor, V. Popov (2005). Democratization, Quality of Institutions, and Economic Growth (<http://www.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy.pdf>)

Polterovich, Victor, V. Popov, A. Tonis, (2006). Resource Abundance, Political Corruption and Instability of Democracy. NES Working paper, 2006.

Popov, Vladimir (2000). Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the magnitude of the Transformational Recession). – *Comparative Economic Studies*, Vol. 42, No.1, Spring 2000.

Popov, V. (2005). Shock Therapy versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms. TIGER Working paper No. 82, 2006 (<http://www.tiger.edu.pl/publikacje/TWPN082.pdf> and http://ctool.gdnet.org/conf_docs/Popov_Paper_Parallel_Session2.3.doc).

Popov, V. (2006). Political Economy of Government Responses to Mortality Crises. Mimeo.

Przeworski, Adam and Limongi, Fernando (1993). Political Regimes and Economic Growth. – *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 7, No. 3, Summer 1993, pp. 51-69.

Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, José Antonio Cheibub, and Fernando Limongi (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990*. Cambridge University Press, 2000.

Rawls, John (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

Rodrik, Dani (1995). Understanding Economic Policy Reform. – *Journal of Economic Literature*, 1995, Vol. 34, 9-41.

Rodrik, Dani (1996a). Why Do More Open Economies Have Bigger Governments? NBER working paper 5537. April 1996 (<http://www.nber.org/papers/w5537>). .

Rodrik, Dani (1996b). Institutions and Economic Performance in East and South East Asia. In *Round Table Conference: The Institutional Foundations of Economic Development in East Asia*. Tokyo, December 1996, pp. 391-429.

Rodrik, Dani (1997). December 1997. Democracy and Economic Performance. A paper for a conference in South Africa (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/demoecon.PDF>).

Rodrik, Dani, Arvind Subramanian and Francesco Trebbi (2002). Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. October 2002 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>).

Rodrik, Dani, Romain Wacziarg (2005). Do Democratic Transitions Produce Bad Economic Outcomes? – *American Economic Review, Papers and Proceedings*, vol. 95, no. 2, May 2005, 50-55.

Ross, Michael (2001). Does Oil Hinder Democracy? – *World Politics* 53 (April 2001), 325-61.

Ross, Michael (2006). Is Democracy Is Good for the Poor? – *American Journal of Political Science*, Vol. 50, No. 4, October 2006, pp. 860-874.

Sachs, Jeffrey D. (1989). *Social Conflict and Populist Policies in Latin America*. NBER Working Paper 2897. Cambridge, Mass., 1989.

Sen, Amartya (1997). Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia. – *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2-3.

Sen, Amartya (1999). The Value of Democracy. – *Development Outreach*, Summer 1999, pp. 5-9.

Stiglitz, Josef (1998). More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus. WIDER Annual Lecture. WIDER/UNU, 1998.

Stiglitz, Josef (1999). Whither Reform? Ten Years of Transition. World Bank's Annual Bank Conference on Development Economics, Wash., D. C., April 28-30, 1999.

Triesman, Daniel (1999). The Causes of Corruption: A Cross-National Study. - Fifth Nobel Symposium in Economics. Stockholm, September 10-12, 1999.

UNDP (2002). Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world. UNDP, 2002.

World Bank (1996). From Plan to Market. World Development Report, NY: Oxford University Press, 1996.

World Bank (1997). The State in A Changing World. World Development Report, NY: Oxford University Press, 1997.

World Bank (2001). World Development Indicators 2001.

World Bank (2002). Transition. The First Ten Years. World Bank, 128 pp.

World Development Institute (WDI, 2001). Worldwide Governance Research Indicators Datasets, 2000/01 and 1997/98 (<http://info.worldbank.org/governance/beeps/>)

Zakaria, Fareed (2003). The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York: *W.W. Norton & Co*, 2003.